

Анатолий Голицын

НОВАЯ ЛОЖЬ ВЗАМЕН СТАРОЙ

12+

Бывший сотрудник КГБ предупреждает как коммунистический обман угрожает выживанию Запада

Анатолий Голицын

Новая ложь взамен старой

«Автор»

1984

Голицын А. М.

Новая ложь взамен старой / А. М. Голицын — «Автор», 1984

Книга была написана во время холодной войны сотрудником советских, а затем американских, спецслужб. Издавший её автор, в 1984 году, старался предупредить руководителей передовой западной державы о грядущей победе, которая будет слишком лёгкой, чтоб её принять. Его зов был проигнорирован, и почти не услышан. Не услышан он был и на Востоке, где скоро наступили «впечатлительные свободы» и десятки книг разных зарубежных авторов перевелись на родной язык, в то время как будущее складывалось по непереуведённым предсказаниям этой книги. Автор, написав ещё один труд, умрёт в неизвестности, а тезис его продолжает жить в том же состоянии. Цель этого перевода, 38 лет спустя – довести его наконец до русскоговорящих стран и людей, первых заинтересованных описанными событиями.

© Голицын А. М., 1984

© Автор, 1984

Содержание

Предисловие редакторов	9
Примечание автора	12
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Две методологии	13
1 Проблемы, с которыми сталкиваются западные аналитики	13
Общие трудности	13
Особые трудности: Дезинформация	14
Дезинформация в коммунистических режимах	14
2 Модели дезинформации: «Слабость и эволюция»	18
Модель «Слабость и эволюция»	18
Прецедент НЭПа	18
Результаты НЭПа	21
Урок НЭПа	22
3 Модели дезинформации: «Фасад и сила»	23
Официальные речи и партийные документы	24
Специальные дезинформационные операции	24
4 Модели дезинформации: Переход	26
Искаженное представление о десталинизации	26
Антикоммунизм	27
Антисталинизм	28
Десталинизация на практике	29
Импровизированная десталинизация с 1953 по 1956 год	29
Ресталинизация	31
5 Новая политика и стратегия дезинформации	32
Новая политика	33
Недостатки кажущегося единства	34
Преимущества кажущейся разобщенности	34
Политическое использование десталинизации	35
Источники вдохновения	37
6 Доклад Шелепина и изменения в организации	40
Отдел «Д»	42
7 Новая роль разведки	44
8 Источники информации	48
Западные источники	48
Коммунистические источники	50
Анализ информации из коммунистических источников	51
9 Уязвимость западных оценок	53
Последствия различных форм дезинформации	54
Кризис в блоке, 1949-56 гг.	54
Вторая мировая война	55
10 Успехи коммунистической разведки, провалы Запада и кризис западных исследований	56
Факторы успеха коммунистической разведки	57
Устаревшие западные методы анализа коммунистических источников	57
Неспособность Запада обнаружить дезинформацию и ее нынешнюю модель	60

11 Ошибки Запада	62
12 Новая методология	67
Факторы, лежащие в основе новой методологии	67
Новая методология и западные источники	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Анатолий Голицын

Новая ложь взамен старой

ПАМЯТИ

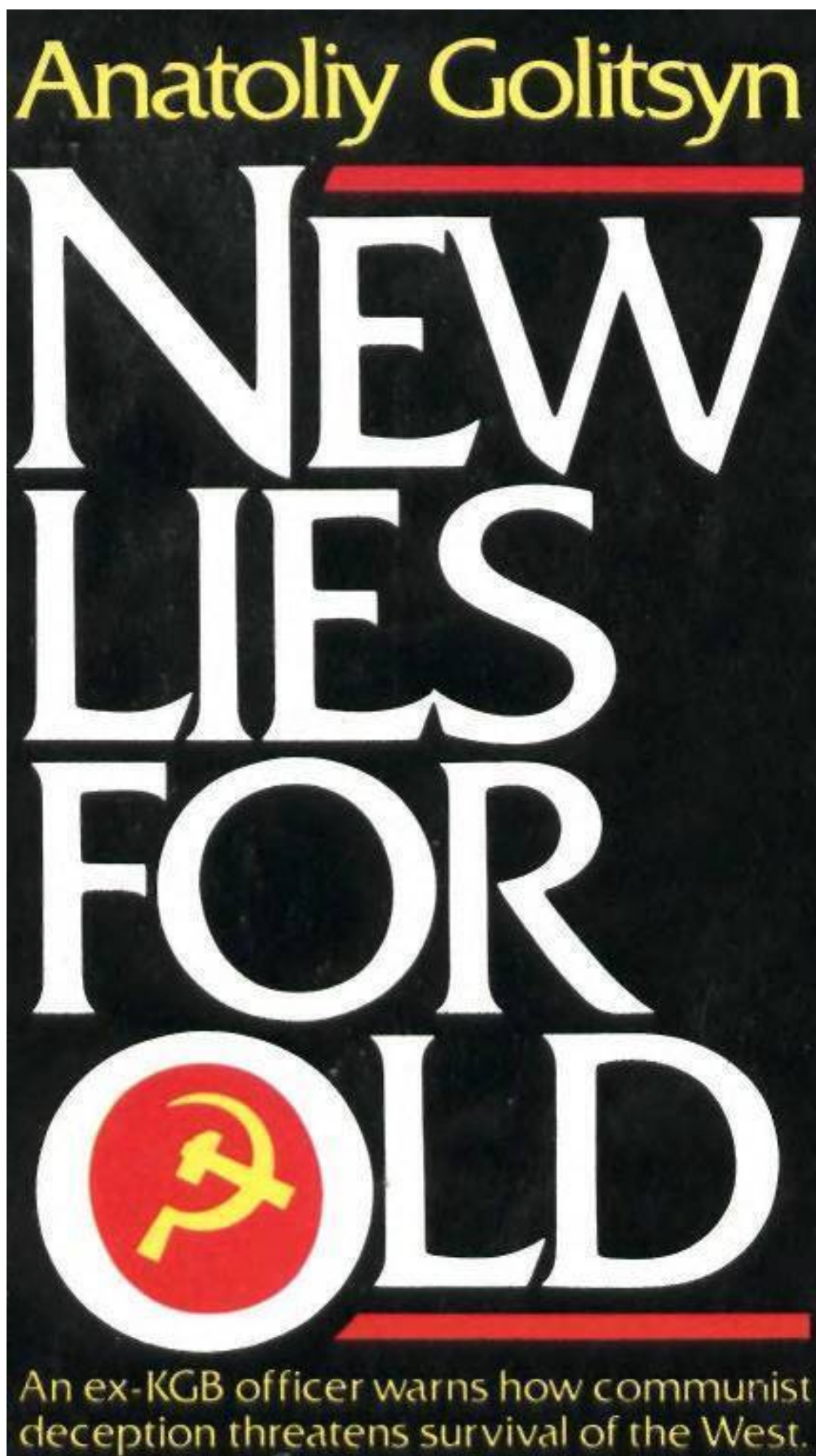
Анны Ахматовой

СОВЕСТИ И ДУШЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Издано впервые на английском языке в 1984 году

Перевод на русский : Н.Н.И. (2022 год)

Примечание переводчика : эта книга впервые переведена на русский язык. Цель – довести её тезис до русскоговорящих стран и людей, первых заинтересованных описанными событиями. Она поможет иметь новый взгляд на разные события в коммунистических странах XX века, которые определяют современный курс событий. Переводчик благодарит журналиста и писателя Жана Робена, за оказанную ему помощь.

Предисловие редакторов

ОЧЕНЬ РЕДКО раскрываемая информация из-за железного занавеса бросает новый свет на корни коммунистической мысли и действий и бросает вызов принятым представлениям о функционировании коммунистической системы. Мы считаем, что эта книга делает и то, и другое. В ней нет ничего противоречивого. Она отвергает общепринятые взгляды на самые разные темы – от свержения Хрущева до ревизионизма Тито, от либерализма Дубчека до независимости Чаушеску, от диссидентского движения до китайско-советского раскола. Анализ автора имеет много очевидных последствий для политики Запада. Он не будет легко принят теми, кто долгое время придерживался противоположных точек зрения. Но мы считаем, что дебаты, которые он, вероятно, вызовет, приведут к более глубокому пониманию природы угрозы международного коммунизма и, возможно, к более твердой решимости противостоять ей.

Заслуги автора перед партией и КГБ, а также необычайно долгий период, проведенный им на учебе, в основном в КГБ, но также в Университете марксизма-ленинизма и Дипломатической школе, делают автора уникально квалифицированным гражданином Запада, чтобы писать на темы, затронутые в этой книге.

Он родился под Полтавой, в Украине, в 1926 году. Таким образом, он был воспитан как представитель послереволюционного поколения. С 1933 года жил в Москве. В пятнадцать лет, будучи курсантом военного училища, он вступил в коммунистическое молодежное движение (комсомол). Он стал членом Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) в 1945 году во время учебы в артиллерийском училище для офицеров в Одессе.

В том же году он поступил в военную контрразведку. По окончании Московской школы военной контрразведки в 1946 году он поступил на службу в советскую разведку. Работая в ее штабе, посещал вечерние занятия в Университете марксизма-ленинизма, который окончил в 1948 году. С 1948 по 1950 год он учился на факультете контрразведки Высшей разведывательной школы; также с 1949 по 1952 год он заочно окончил Высшую дипломатическую школу.

В 1952 и начале 1953 года он вместе с другом участвовал в разработке проекта для Центрального Комитета по реорганизации советской разведки. Проект включал в себя предложения по укреплению контрразведки, более широкому использованию спутниковых спецслужб и восстановлению «активистского стиля» в работе разведки. В связи с этим проектом он присутствовал на заседании Секретариата под председательством Сталина и заседании Президиума под председательством Маленкова с участием Хрущева, Брежнева и Булганина.

В течение трех месяцев в 1952-53 годах автор работал в качестве начальника отдела в управлении советской разведки, ответственным за контрразведку против Соединенных Штатов. В 1953 году он был направлен в Вену, где в течение двух лет служил под прикрытием в качестве сотрудника аппарата советской Верховной комиссии. Первый год он работал против русских эмигрантов, а второй – против британской разведки. В 1954 году он был избран заместителем секретаря партийной организации в резидентуре КГБ в Вене, насчитывавшей семьдесят сотрудников. По возвращении в Москву он четыре года учился на дневном отделении Института КГБ, ныне Академии КГБ, и в 1959 году окончил его с дипломом юриста. Будучи студентом института и членом партии, он имел все возможности следить за борьбой за власть в советском руководстве, которая отражалась в секретных партийных письмах, совещаниях и конференциях.

С 1959 по 1960 год, в период разработки новой долгосрочной политики блока и реорганизации КГБ для участия в ней, он служил старшим аналитиком в отделе НАТО Информационного управления советской разведки. Затем он был переведен в Финляндию, где под прикрытием должности вице-консула в советском посольстве в Хельсинки занимался вопросами контрразведки вплоть до своего разрыва с режимом в декабре 1961 года.

К 1956 году он уже начал разочаровываться в советской системе. Венгерские события того года усилили его недовольство. Он пришел к выводу, что единственным практическим способом борьбы с режимом – из-за рубежа, и что, вооруженный своими внутренними знаниями о КГБ, он сможет сделать это эффективно. Достигнув своего решения он начал систематически собирать и фиксировать в памяти информацию, которая, по его мнению, была бы актуальной и ценной для Запада. Принятие новой, агрессивной долгосрочной коммунистической политики ускорило его решение порвать с режимом. Он чувствовал, что необходимость предупредить Запад о новых масштабах угрозы, с которой он столкнулся, оправдывает его решение покинуть свою страну и пойти на личные жертвы. Его разрыв с режимом был преднамеренным и давно продуманным политическим актом. Сразу же по прибытии в Соединенные Штаты он попытался передать высшему руководству американского правительства предупреждение о новых политических опасностях для западного мира, возникающих в результате использования всех политических ресурсов коммунистического блока, включая его разведку и службы безопасности, в интересах новой долгосрочной политики.

С 1962 года автор посвятил значительную часть своего времени изучению коммунистических дел в качестве стороннего наблюдателя, читая как коммунистическую, так и западную прессу. Он начал работу над этой книгой. Во время работы над книгой он продолжал доводить до сведения американских и других западных властей свои взгляды на рассматриваемые в ней вопросы, а в 1968 году позволил американским и британским официальным лицам ознакомиться с рукописью в том виде, в котором она была написана. Хотя с тех пор рукопись была расширена, чтобы охватить события последнего десятилетия, и пересмотрена по мере того, как автору становилась яснее основная коммунистическая стратегия, суть аргументов мало изменилась с 1968 года. Из-за большого объема рукописи значительная ее часть была отложена для публикации в более позднее время.

За редким исключением, те западные чиновники, которые были осведомлены о взглядах, выраженных в рукописи, особенно о китайско-советском расколе, отвергли их. На самом деле, с годами автору становилось все более ясно, что нет никакой разумной надежды на то, что его анализ коммунистических дел будет серьезно рассмотрен в официальных кругах Запада. В то же время он все больше убеждался, что события продолжают подтверждать справедливость его анализа, что угроза со стороны международного коммунизма не была правильно понята и что эта угроза вскоре вступит в новый и более опасный этап. Поэтому автор решил опубликовать свою работу с намерением привлечь внимание более широкой части мирового общественного мнения к опасностям, как он их видит, в надежде стимулировать новый подход к изучению коммунизма и вызвать более последовательный, решительный и эффективный ответ на него со стороны тех, кто по-прежнему заинтересован в сохранении свободных обществ в некоммунистическом мире.

Чтобы воплотить в жизнь свое решение о публикации, автор обратился за редакционным советом и помощью к нам четверым, всем бывшим государственным служащим США или Великобритании. Трое из нас знают автора и его взгляды на протяжении двенадцати и более лет. Мы можем свидетельствовать о его сизифовых усилиях убедить других в правоте того, что он хочет сказать. Мы высоко ценим его личную и профессиональную честность. Ценность его услуг для национальной безопасности была официально признана не одним правительством на Западе. Несмотря на неприятие его взглядов многими нашими бывшими коллегами, мы продолжаем считать, что содержание этой книги имеет огромное значение и актуальность для правильного понимания современных событий. Поэтому мы с готовностью откликнулись на просьбы автора о помощи в редактировании его рукописи для публикации, и мы рекомендуем эту книгу для самого серьезного изучения всем, кто интересуется отношениями между коммунистическим и некоммунистическим миром.

Подготовка рукописи была предпринята автором с помощью каждого из нас, действующего в индивидуальном и частном качестве.

Автор является гражданином Соединенных Штатов Америки и почетным Кавалером ордена Британской империи (СВЕ).

СТИВЕН ДЕ МОУБРЕЙ

АРТУР МАРТИН

ВАСЯ К. ГМИРКИН

СКОТТ МАЙЛЕР

Примечание автора

ЭТА КНИГА – результат почти двадцати лет моей жизни. В ней изложены мои убеждения в том, что на протяжении всего этого периода Запад неправильно понимал природу изменений в коммунистическом мире, был введен в заблуждение и обманут коварством коммунистов. Мои исследования не только укрепили мои убеждения, но и привели меня к новой методологии, с помощью которой я могу анализировать действия коммунистов. Эта методология учитывает диалектический характер стратегического мышления коммунистов. Я надеюсь, что эта методология будет использоваться студентами, изучающими коммунистические дела, во всем западном мире.

Я принимаю на себя исключительную ответственность за содержание этой книги. При ее писании я не получал никакой помощи от какого-либо правительства или другой организации. Я представил текст соответствующим властям США, которые не возражали против его публикации по соображениям национальной безопасности.

Для транслитерации русских фамилий я использовал систему, принятую в государственных учреждениях США. Транслитерация китайских фамилий соответствует старой системе.

Я хочу поблагодарить моих друзей, Стивена де Моубрея и Артура Мартина, которые выполнили львиную долю работы по редактированию и помогали мне на протяжении всего времени своими редакторскими советами. Я также благодарю Васю К. Гмиркина и Скотта Майлера за их вклад в редактирование и за их редакторские советы.

Я благодарен ПК, ПУ, РХ, ПХ и АК за их самоотверженность при наборе рукописи, женам моих друзей, которые молча страдали во время ее подготовки, и особенно моей жене, Светлане, за ее поддержку и терпение.

Я хочу выразить глубокую благодарность двум моим американским друзьям, которые останутся неназванными, за их помощь и усилия в привлечении внимания издательства «Dodd, Mead & Company» к моей рукописи. Издатели заслуживают моего восхищения за их понимание значимости рукописи и за смелость опубликовать столь спорную книгу. Я особенно благодарен Аллену Клотсу из Dodd, Mead & Company, который проявил большой личный интерес к публикации, а также осуществил окончательное редактирование рукописи.

Наконец, я благодарю советское правительство и партию за прекрасную учебную базу, которая сделала возможной эту книгу; и благодарю русскую историю и литературу за вдохновение, которое они дали, когда направляли меня к моему сознательному решению служить народу, а не партии.

АНАТОЛИЙ ГОЛИЦЫН

От своих врагов люди не получают и крупицы правды, не одаривают их ею и друзья; именно поэтому я и говорю правду.

Алексис де Токвиль,

ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ

Новая ложь взамен старой.

Приписывается Анне Ахматовой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Две методологии

1 Проблемы, с которыми сталкиваются западные аналитики

НЕКОММУНИСТИЧЕСКИЙ МИР уделяет значительные усилия изучению коммунистического мира, и справедливо, поскольку политика Запада в отношении коммунистического мира основана на западных оценках внутреннего положения. В США, Великобритании, Франции и других странах появилось множество учреждений, изучающих проблемы коммунизма.

Помимо традиционных исторических исследований дореволюционной России и Китая, были придуманы новые специальности, такие как «советология» или более ограниченная «кремленология», которые изучают уровень формирования политики в Советском Союзе. Аналогичные специальности были созданы в области «китаеведения» и восточноевропейских исследований.

Результаты западных исследований действительны только в том случае, если успешно преодолены два вида трудностей: общие трудности, вытекающие из стремления коммунистических режимов к секретности, и особые трудности, возникающие из-за использования ими дезинформации. Неудача современных западных исследований во многом объясняется тем, что они не смогли оценить вторую группу трудностей.

Общие трудности

Общие трудности и препятствия на пути западных исследований вытекают из природы коммунистических режимов и широко признаны на Западе. Главными среди этих трудностей являются:

- Специальные меры, принятые для предотвращения утечки секретной информации, касающейся проблем разработки и проведения политики, как например выплата 15-процентной надбавки к зарплате сотрудникам КГБ за сохранение секретности.
- Существование огромных мощных ресурсов службы безопасности, направленных на защиту государственных секретов и подавление истинной свободы слова.
- Монополия партии и государства на издательские и коммуникационные средства и распространение информации как для внутреннего, так и для внешнего потребления.
- Эффективный контроль и наблюдение за иностранными посольствами, журналистами и посетителями коммунистических стран, а также за их контактами в этих странах.

В принципе, эти меры не новы, они являются сопутствующими для всех тоталитарных систем, которые применяют их с разной техникой и степенью эффективности.

Хотя эти трудности осложняют изучение коммунистических режимов и политики на Западе, они не делают его невозможным. Западные ученые накопили опыт преодоления этих трудностей. Рассказы очевидцев многих бывших жителей коммунистического мира, ныне проживающих на Западе, оказались чрезвычайно полезными для серьезного изучения коммунистических режимов и их проблем в прошлом.¹ Если бы эти общие трудности были единствен-

---

¹ Признание этого можно найти, например, в книге «The Communist Party of the Soviet Union» (Random House, New York, 1960), автор Leonard Schapiro, с. 542: «Секретность, которой СССР сумел окружить себя, разрушилась, в основном в результате свидетельств, которые смогли дать тысячи советских граждан, перемещенных во время войны и не вернувшихся обратно. Впервые серьезное академическое изучение советской истории, политики и экономики дало некоммунистическим странам основу для противодействия советским пропагандистским заявлениям о себе.»

ными, западные оценки ситуации в коммунистическом мире могли бы быть более или менее точными; однако существуют и другие, особые трудности.

Особые трудности: Дезинформация

Особые трудности возникают из-за целенаправленных усилий коммунистических правительств по введению в заблуждение и дезориентации западных исследований и оценок. Эти преднамеренные усилия известны как дезинформация. В Большой советской энциклопедии говорится, что это слово происходит от двух французских корней: de(s), означающего удаление или устранение, и information, означающего знание.² В БСЭ дезинформация определяется как распространение через печать и радио ложных сведений с целью введения в заблуждение общественного мнения. Далее говорится, что капиталистическая пресса и радио широко используют дезинформацию, чтобы обманывать людей всего мира и изображать новую войну, которую готовит англо-американский империалистический блок, как оборонительную, а мирную политику Советского Союза и стран народной демократии – как агрессивную.

Это было бы в целом точным определением дезинформации, если бы предполагаемые роли «империалистического» и советского блоков поменялись местами. На самом деле, дезинформация использовалась в той или иной степени на протяжении всей истории Советского Союза.

Эта книга в первую очередь посвящена использованию коммунистами стратегической дезинформации. Этот термин означает систематические усилия по распространению ложной информации, искажению или сокрытию информации с целью исказить реальную ситуацию и политику коммунистического мира и тем самым запутать, обмануть и повлиять на некоммунистический мир, поставить под угрозу его политику и побудить западных противников невольно способствовать достижению коммунистических целей. С 1958 года была введена в действие программа стратегических операций по политической дезинформации. Ее целью было создание благоприятных условий для реализации долгосрочной политики коммунистического блока, препятствование принятию эффективных контрмер или политики со стороны некоммунистического мира, а также обеспечение стратегических выгод для мирового коммунизма. Понимание программы дезинформации имеет решающее значение для правильного анализа ситуации в коммунистическом мире, но на Западе ее существование либо игнорировалось, либо не принималось во внимание. В этой книге будет предпринята попытка объяснить на основе внутренней информации и новой методологии автора роль программы дезинформации и используемые в ней методы.

Дезинформация в коммунистических режимах

Дезинформация практикуется не только коммунистическими правительствами. Тем не менее, дезинформация играет более значительную роль в коммунистических режимах, чем в любом другом типе. Ее роль определяется особыми способами, которыми коммунистические режимы реагируют на кризисы внутри своих систем, неограниченностью внешних целей коммунистов, а также способностью коммунистов осуществлять глобальную, долгосрочную, наступательную политическую стратегию.

---

² Большая советская энциклопедия, т. 13 (1952), с. 566 (здесь и далее цитируется как БСЭ). Издатели – «Государственное научное агентство», «Большая советская энциклопедия» в Москве. Это второе издание, вышедшее в конце 1940-х – начале 1950-х годов. С 1957 года издаются ежегодные дополнительные тома. В дальнейшем эти тома будут упоминаться как БСЭ с указанием года выпуска дополнения. (Дополнения не нумеруются, а идут по годам).

Роль дезинформации в коммунистических режимах можно прояснить, сравнив коммунистические и демократические системы по способу их реакций на внутренние кризисы, и в характере их внешней политики.

В демократических обществах внутренние кризисы обычно носят открытый характер и ограничены в своих масштабах. Демократическая система позволяет поглощать силы народного недовольства посредством демократических выборов, судебных процессов и гибких ответных мер в форме переговоров и посредничества. По этой причине политические или социальные протестные движения обычно не приводят к восстаниям всего населения против режима. Кризисы обычно приводят к некоторым перенастройкам в системе и могут решить судьбу отдельных политиков, групп или партий, но основная стабильность системы остается незатронутой. Такую гибкую демократическую реакцию можно наблюдать в США во время кампании против войны во Вьетнаме и во время Уотергейтского кризиса, а также во Франции после событий мая 1968 года.

В коммунистических режимах кризисы обычно скрыты от внешнего мира; из-за отсутствия демократических процессов и подавления внутренней оппозиции, народное политическое, социальное и экологическое недовольство накапливается и грозит перерасти в серьезные потрясения или восстания всего населения против системы в целом. Так произошло в Венгрии в 1956 году. Способ разрешения такого кризиса в коммунистической системе обычно произвольный и авторитарный.

Что касается внешней политики, то политика некоммунистических стран обычно диктуется национальными интересами и имеет ограниченные, краткосрочные цели. За исключением военного времени, они обычно носят оборонительный характер. Демократические правительства имеют дело непосредственно с правительствами других стран и ограничены в своих отношениях с оппозицией, за исключением случаев гражданской войны. Демократические правительства, как правило, либо не склонны, либо не готовы воспользоваться кризисами в других странах, которых они могут рассматривать как противников или нет.

Коммунистическая внешняя политика, с другой стороны, является глобальной, идеологической и долгосрочной и имеет конечной целью мировое господство. Она по своей природе склонна брать на себя инициативу, если только ее не вынуждает к обороне чрезвычайное стечение обстоятельств. Несмотря на внешний вид, коммунистическая внешняя политика также имеет тенденцию уделять значительное внимание взаимодействию с крайне левой оппозицией установленному правительству, а также взаимодействию с самим правительством. Коммунизм всегда склонен и обычно готов воспользоваться любым кризисом в некоммунистической стране; этого требуют свои долгосрочные, неограниченные цели.

Различия между коммунистическими и некоммунистическими системами в их реакциях на внутренние кризисы и в их внешних политических действиях определяют различную роль дезинформации в соответствующих системах. Демократические системы, будучи более открытыми и, следовательно, по наследству более стабильными политически, не нуждаются в дезинформации для сокрытия внутренних кризисов, которые время от времени происходят, и средств, с помощью которых они разрешаются. Кризисы становятся общеизвестными и не могут быть скрыты. Уотергейтский кризис является тому примером. Главным условием успешного разрешения такого кризиса является то, что он должен стать достоянием общественности, поэтому здесь нет места дезинформации. Хотя демократические правительства в определенной степени управляют новостями для создания лучшего имиджа своей деятельности, использование специальных, тайных методов для внутренних целей может быть раскрыто и использовано оппозицией в следующей избирательной кампании. Во внешней политике демократические правительства могут практиковать дезинформацию в ограниченном масштабе для достижения своих ограниченных, национальных и обычно оборонительных целей, но такая

дезинформация, как правило, имеет скромные масштабы и ограничивается военными и контрразведывательными сферами.

В коммунистических режимах роль дезинформации совершенно иная. Отчасти она обусловлена присущей коммунистическим системам нестабильностью. Политическая уязвимость коммунистических режимов, их забота о стабильности и недемократические методы разрешения внутренних кризисов обязывают их широко использовать дезинформацию, чтобы скрыть и развеять угрозы своему существованию и быть представленными в выгодном свете как стабильную форму общества. Внутренняя роль дезинформации заключается, с одной стороны, в сокрытии недемократических, антинациональных, незаконных и даже преступных методов разрешения внутренних кризисов и, с другой стороны, в минимизации или нейтрализации внутренней антирежимной деятельности при одновременном предотвращении или нейтрализации любых попыток извне разжечь и использовать эту деятельность.

Особая роль дезинформации усиливается агрессивным и амбициозным характером внешней политики коммунистов. Она направлена на продвижение и установление коммунистических режимов в некоммунистических странах по всему миру путем оказания поддержки крайне левой оппозиции, на получение временных политических союзников, на использование и углубление любых внутренних кризисов и даже создание искусственных кризисов. Чтобы быть успешной, такая политика нуждается в накидке или ширме, чтобы скрыть или исказить ее конкретные цели, тактику и маневры, в то же время создавая благоприятные условия в соответствующих странах для достижения своих целей. Дезинформация обеспечивает эту накидку или ширму, а также средство оказания влияния. Именно сочетание агрессивности с дезинформацией придает коммунистической политике заговорщический характер. Эта комбинация – не предмет спекуляций, а существующая и постоянная реальность коммунистической деятельности, которая не может произвольно игнорироваться западными правительствами и учеными без ущерба для точности и реалистичности их оценок коммунистического мира.

Размах и масштабы дезинформационной деятельности коммунистических режимов практически не ограничены. Для операций по дезинформации не существует никаких юридических или политических препятствий. Полицейское государство с его централизованной властью, полным контролем над ресурсами, неограниченными возможностями для осуществления маневров и внезапных изменений в политике, а также иммунитетом от давления организованного общественного мнения дает огромные преимущества для проведения дезинформационных операций по сравнению с демократической системой.

Учитывая полный контроль над средствами коммуникации, коммунистическим правительствам не нужно бояться негативной огласки; они могут говорить одно на публике и совершенно безнаказанно делать противоположное в частном порядке. Они также могут использовать в целях дезинформации возможности своих разведывательных служб и служб безопасности, которые действуют в масштабах и с иммунитетом, не имеющим аналогов на Западе.

Учитывая эти преимущества, неудивительно, что коммунистические режимы должны заниматься дезинформацией на государственном уровне как значительной частью своей деятельности; у них есть неограниченные возможности практиковать тотальную дезинформацию, то есть использовать все возможные виды и каналы дезинформации.

Коммунистические операции по дезинформации контролируются на самом высоком правительственном уровне. Они служат для поддержки интересов долгосрочной политики, и поэтому их формы, модели и цели определяются характером политики в каждый конкретный период.

Оценивая возможности коммунистической стратегической дезинформации, следует помнить, что во время Второй мировой войны западные союзники показали себя способными разрабатывать изобретательные и эффективные военные и стратегические операции по

обману. Тремя основными условиями успеха этих операций были наличие четко определенных и согласованных военных целей союзников, система цензуры прессы и радио в военное время, а также понимание, которое союзники получили о немецкой разведке, особенно благодаря способности расшифровывать немецкие сообщения. В 1958-60 годах коммунистические режимы имели сопоставимые условия и преимущества по отношению к Западу.

2 Модели дезинформации: «Слабость и эволюция»

МОГУТ БЫТЬ ВЫДЕЛЕННЫМИ ТРИ МОДЕЛИ коммунистической стратегической дезинформации: модель для периода, когда проводилась конкретная, долгосрочная политика; модель для кризисного периода в коммунистическом режиме или его политике; и модель для переходного периода.

Модель «Слабость и эволюция»

Модель дезинформации, используемая в ходе реализации долгосрочной политики, может быть названа моделью «слабости и эволюции» или моделью «рассчитанной идеологической умеренности». Ее цель – успокоить страхи противников международного коммунизма путем преуменьшения реальной силы коммунизма и сбить с толку политику этих противников путем маскировки реальных коммунистической политики.

Поэтому, следуя этой модели, дезинформация отражает реальные или мнимые слабости, расколы и кризисы в коммунистическом мире и проецирует образ эволюции от идеологической к конвенциональной, национальной системе. Намерение состоит в том, чтобы страны некоммунистического мира, приняв мнимый раскол и эволюцию коммунистического мира за подлинные, не могли эффективно ответить на наступательную стратегию коммунистов и в своем замешательстве склонялись к практическим просчетам и ошибкам в отношениях с коммунистическим миром. Основная роль дезинформации в модели слабости и эволюции заключается в сокрытии коммунистической политики.

Для того чтобы получить и использовать временных, тактических политических союзников и избежать их тревоги, предпринимаются усилия по сокрытию или преуменьшению фактической силы и агрессивности коммунизма. Фактическая информация, благоприятная для коммунистических режимов, скрывается или преуменьшается; неблагоприятная информация раскрывается, просачивается или выдумывается. Учитывая, что коммунистические, в отличие от демократических, правительства не беспокоятся о своих избирательных перспективах, они могут позволить себе раскрывать правдивую или ложную информацию, неблагоприятную для себя. В период реализации политики подчеркиваются реальные и искусственные слабости системы; корректировки и решения представляются как неудачи; идеологические различия между коммунистической и некоммунистической системами принижаются; допускается расчетливая умеренность и даже некоторые отступления от коммунистических догм; общие черты и общие интересы между коммунистической и демократической системами чрезмерно подчеркиваются или преувеличиваются; долгосрочные коммунистические цели и скоординированные действия по их достижению скрываются. Но главной особенностью этой модели является проецирование предполагаемых расколов и кризисов в коммунистическом мире и предполагаемая эволюция коммунистических государств в независимые, обычные национальные государства, мотивированные, как и любые другие, прежде всего национальными интересами. Модель определяет формы и средства. Ведущую роль играют специальные операции по дезинформации; пропаганда отводится на второстепенную роль.

Прецедент НЭПа

Модель слабости и эволюции была успешно использована Лениным в 1920-х годах. В 1921 году Советская Россия оказалась перед лицом неминуемого краха. Промышленность была разрушена войной, сельское хозяйство находилось в кризисе. Русский народ, разочарованный жесткой политикой «военного коммунизма», был на грани восстания; политика тер-

рора оказывалась неэффективной; в Сибири и на Волге происходили крестьянские восстания; националистические движения в Украине, Грузии, Армении и Средней Азии открыто провозглашали сепаратизм и представляли серьезную угрозу национальному единству; восстали моряки Кронштадтской военно-морской базы. За рубежом надежды на мировую революцию угасли после поражения коммунистов в Германии, Польше и Венгрии. Крупнейшие европейские державы, хотя и не объединенные, были по отдельности враждебны коммунизму и новому советскому государству; огромное движение русской эмиграции, охватившее всю Европу, замышляло свержение режима. Советская Россия находилась в полной политической и экономической изоляции.

Именно в этой ситуации, в условиях крайне неблагоприятного соотношения сил по отношению к Западу, Ленин задумал и начал проводить долгосрочную политику, которая в течение последующих восьми лет должна была продемонстрировать впечатляющий успех. Она получила намеренно вводящее в заблуждение название «Новая экономическая политика», или НЭП. На самом деле она выходила далеко за рамки экономики, определяя также основные политические и идеологические цели и тактику режима внутри страны и за ее пределами, а также стратегию международного коммунистического движения. В рамках НЭПа советские лидеры должны были ликвидировать сепаратизм путем создания федерации национальных республик – СССР. Они должны были ввести национальное долгосрочное экономическое планирование. Они должны были спланировать и построить систему электроснабжения, чтобы охватить и связать всю страну. Они должны были начать изменять мировой баланс сил в пользу коммунистов.

Для всего мира НЭП означал, что иностранным промышленникам предлагались концессии в советской промышленности и приглашение открывать предприятия в Советской России; что советские промышленные предприятия должны были быть реорганизованы как доверенные и работать на основе прибыли; что более мелкие предприятия и недвижимость могли принадлежать кооперативам или частным лицам; что деньги были возвращены в обращение и разрешена частная торговля; что ограничения на поездки были ослаблены; что эмигрантам предлагалось вернуться по амнистии, а некоторым советским гражданам было разрешено эмигрировать; и что советская дипломатия стремилась к мирному сосуществованию с Западом.

Советские лидеры видели это по-другому. Они предполагали, что НЭП не только обеспечит экономический подъем, но и послужит предотвращению внутреннего восстания, расширению внешней торговли, привлечению иностранного капитала и опыта, получению дипломатического признания со стороны некоммунистических стран, предотвращению крупного конфликта с западными державами, использованию противоречий в капиталистических странах и между ними, нейтрализации эмигрантского движения и содействию мировой революции через коммунистическое движение.

Ленин считал, что эта принципиально агрессивная и идеологическая политика может оказаться эффективной, если она будет сопровождаться систематическим использованием введения в заблуждение и обмана, или, выражаясь современным языком, дезинформацией. Характеристики этой дезинформации были видимая умеренность коммунистической идеологии, избегание ссылок на насилие в коммунистических методах, преувеличение степени восстановления капитализма в Советской России, использование трезвого и делового стиля в дипломатических и торговых переговорах с Западом, акцент на разоружении и мирном сосуществовании. Все это должно было вызвать во внешнем мире убеждение, что коммунистическая система слаба и теряет свой революционный пыл. Предоставленная сама себе, она либо распадется, либо примирится с капиталистической системой.

Советская служба безопасности была реорганизована, переименована в ОГПУ и получила новые политические задачи. Она была направлена на проведение дезинформационных и политических операций. В ОГПУ были созданы и тайно контролировались фальшивые

оппозиционные движения. Их целью было привлечение в свои ряды настоящих противников режима внутри страны и за ее пределами. Эти невинные люди затем могли быть использованы режимом различными способами. Они могли выступать в качестве каналов дезинформации; их можно было шантажировать и вербовать в качестве агентов; их можно было арестовывать и устраивать над ними публичные суды. Характерным, но не уникальным примером этой техники является так называемая операция «Трест».

В 1921 году, когда начинался НЭП, ОГПУ создало внутри Советской России ложную антисоветскую организацию – Монархическое объединение Центральной России. Когда-то это была настоящая организация, основанная царскими генералами в Москве и Ленинграде, но ликвидированная советской службой безопасности в 1919-20 годах. Бывшие члены этой организации, среди которых были царские генералы и представители старой аристократии, перешедшие на сторону СССР, номинально возглавили движение. Их новая лояльность советскому режиму не вызывала сомнений, поскольку они предали своих бывших друзей по антикоммунистическому подполью. Это были царские генералы Брусилов и Зайончковский; царский военный атташе в Югославии генерал Потапов; и царский транспортный чиновник Якушев. Самым активным агентом «Треста» был бывший офицер разведки Генерального штаба в царской России, чьи множественные фамилии включали Опперпут.

Агенты Треста выезжали за границу и устанавливали конфиденциальные контакты с настоящими лидерами антикоммунистической эмиграции, чтобы (якобы) координировать деятельность против советского режима. Среди важных эмигрантов с которыми они встечались были Борис Савинков и генералы Врангель и Кутепов.

Эти агенты сообщали своим связным, что антисоветское монархическое движение, которое они представляли, уже прочно обосновалось в Советской России, проникло в высшие эшелоны армии, службы безопасности и даже в правительство, а со временем захватит власть и восстановит монархию. Они убедили лидеров эмигрантов, что режим претерпел радикальные изменения. Коммунизм потерпел полный крах; идеология мертва; нынешние лидеры не имеют ничего общего с фанатичными революционерами прошлого. В душе они были националистами, а их режим превращался в умеренный, национальный режим и вскоре мог рухнуть. НЭП следует рассматривать как первую важную уступку на пути к восстановлению капитализма в России. Вскоре последуют политические уступки. Поэтому, говорили агенты «Треста», любое вмешательство или враждебный жест со стороны европейских держав или эмигрантских движений будет неразумным, если не трагичным, поскольку это только сплотит русский народ вокруг своего правительства и тем самым продлит его выживание. Европейские правительства и эмигрантские лидеры должны прекратить антисоветскую террористическую деятельность и изменить свое отношение к советскому режиму с враждебного на пассивное принятие. Они должны предоставить дипломатическое признание и расширить торговлю. Таким образом, у них будет больше возможностей внести свой вклад в эволюционный процесс. Эмигрантские лидеры должны вернуться в Россию, чтобы внести свой вклад.

Естественно, среди эмигрантов были сомневающиеся, но авторитет руководителей организации (в частности, генерала Брусилова) убедил большинство. Они приняли за чистую монету дезинформацию Треста и передали ее своим влиятельным друзьям в европейских спецслужбах. К тому времени, когда она была распространена среди правительств как «секретная» разведка, она звучала очень впечатляюще, а когда со временем одна и та же история подтверждалась источником за источником, она стала «секретной и надежной». Спецслужбы Европы были преданы своему делу, и было немыслимо, чтобы все они могли ошибаться.

Пока Трест процветал, ОГПУ полностью или частично взяло под контроль два других движения, призванных повлиять на политический климат в поддержку НЭПа. Это были «Смена вех» и «Евразийское» движение. Первое использовалось советской службой безопасности для введения в заблуждение эмигрантов и интеллектуалов в Европе, чтобы они пове-

рили, что сила коммунистической идеологии идет на убыль и что советский режим эволюционирует в более умеренное, национальное государство. При неофициальном содействии правительства движение издавало в Праге и Париже еженедельный сборник «Смена вех», а в Берлине – газету «Накануне». В 1922 году советское правительство, рискуя, разрешило издавать в Ленинграде и Москве два журнала – «Новая Россия» и «Россия». Они должны были оказывать аналогичное влияние на интеллигенцию внутри страны.

К 1926 году все публикации движения «Смена вех» были свернуты, движение распущено, а некоторые его лидеры в Советском Союзе арестованы. Официальная советская публикация частично подтверждает эксплуатацию движения и описывает его конец. Вскоре после этого деятельность «Треста» была прекращена с арестом тех противников режима, которые имели неосторожность показать себя таковыми, связавшись с «Трестом».

Чтобы произвести впечатление на советских людей, по всей стране проводились судебные процессы над представителями оппозиции – некоторые подлинные, некоторые фальшивые. За рубежом использовались различные средства, чтобы нанести ущерб, сорвать и дискредитировать как эмигрантские движения, так и европейские спецслужбы. Агенты тех и других – некоторые подлинные, некоторые ложные – публично судились заочно; лидеров эмигрантских движений, европейских журналистов, бизнесменов, дипломатов и правительственных чиновников шантажировали, под предлогом их участия в работе на советскую разведку; отдельных лидеров эмигрантских движений, включая Бориса Савинкова и генерала Кутепова, а также эстонского посла в Москве Бирка, похищали; компрометированных шпионов обменивали или возвращали; отдельных лиц и правительства выставляли на посмешище как «дураков, обманутых ловкой провокацией ОГПУ» или оказывали давление или шантажировали угрозой дискредитации. Например, в 1944 году, во время советского занятия Финляндии, Жданов угрожал финскому президенту Маннергейму, что если он не подчинится советским требованиям, то будет предан публичному суду за участие в антисоветской деятельности во время операции «Трест» и таким образом, будет вытесненным из политики.

НЭП был официально завершен Сталиным в 1929 году, что было названо «социалистическим наступлением на всех фронтах». Концессии иностранным промышленникам были отменены; частное предпринимательство было запрещено; частное имущество было конфисковано; сельское хозяйство было коллективизировано; усилились репрессии против политической оппозиции. НЭПа могло бы и никогда не быть.

Результаты НЭПа

Сельское хозяйство, промышленность и торговля значительно улучшились во время НЭПа. Хотя НЭП не смог привлечь крупные кредиты с Запада, он принес технологии и новое эффективное оборудование. Тысячи западных техников помогли индустриализации Советского Союза, а западные фирмы построили там важные заводы. Справедливо сказать, что основы советской тяжелой и военной промышленности были заложены в 1920-е годы с американской, британской, чехословацкой и, после Рапалльского договора (1922), немецкой помощью. Германия сыграла особенно значительную роль в советской милитаризации. Согласно секретным пунктам договора, немцы помогли построить в СССР современные авиационные и танковые заводы. Коммунисты цинично говорили об иностранных концессионерах и бизнесменах как о «помощниках социализма». Было начато долгосрочное планирование и индустриализация. Признание Советского Союза Западом де-юре помогло режиму нейтрализовать внутреннюю оппозицию и таким образом стабилизировать себя политически. Остатки других политических партий (социалисты-революционеры, меньшевики, сионисты) были подавлены, ликвидированы или сосланы. Крестьяне были умиротворены. Независимость церкви была нарушена, и новые, контролируемые «живущие церкви» приняли режим. Националистические

и сепаратистские движения в Грузии, Украине, Армении и азиатских республиках были подавлены, а их народы полностью включены в федеративный союз. Во время НЭПа не возникло новой организованной политической оппозиции режиму. Регулярные чистки членов коммунистической партии поддерживали идеологическую чистоту; меньшинство членов поддавалось соблазнам капитализма и было исключено. Партия и служба безопасности приобрели опыт активистских методов и контроля над контактами с Западом. Служба безопасности начала осуществлять эффективный контроль над советским обществом.

Европейский блок, который, как предполагалось, будет сформирован против Советского Союза, не состоялся. Де-юре признание было предоставлено всеми крупными странами, кроме США. Российское эмигрантское движение было успешно пронизано, дискредитировано и оставлено на произвол судьбы. Рапалльский договор, подписанный с Германией в 1922 году (венец достижения ленинской дипломатии), поднял советский престиж, помог увеличить советскую военную мощь, исключил возможность создания единого антикоммунистического фронта в Европе и ослабил Веймарскую республику.

В период с 1921 по 1929 год в Коминтерн вступили двенадцать новых коммунистических партий, общее число которых достигло сорока шести. Используя легальную тактику, коммунистические партии усилили свое влияние в профсоюзах и парламентах. Хотя попытка сформировать единый фронт с Социалистическим Интернационалом провалилась, некоторые социалистические партии – немецкая, французская, испанская и чехословацкая – раскололись под влиянием коммунистического подхода; левые группы присоединились к коммунистическим партиям или создали новые. Коминтерн приобрел ценный опыт в одновременном использовании революционной и легальной тактики, в готовности переходить от одной к другой и в умении координировать свои действия с советской дипломатией. Тактика единого фронта была успешно использована коммунистами в националистическом Китае. Монголия стала первым советским сателлитом.

Урок НЭПа

Дезинформация периода НЭПа была успешной. Если смотреть глазами Запада, угроза коммунизма в период НЭПа казалась рассеянной. Страх перед большевизмом ослабел. Позиции антикоммунистов были подорваны. Возникли надежды на прорыв. Западная общественность, не желая идти на жертвы, призывала свои правительства к дальнейшему сближению с советским режимом. В действительности, конечно, вызов коммунизма был усилен: Ожидания Запада впоследствии были грубо разрушены. Но коммунистические стратеги усвоили урок, что западных лидеров можно обмануть и склонить к ошибкам в их оценках и политике в отношении Советского Союза. Дезинформация фактически создала благоприятные условия для успеха советской внутренней политики, активистской дипломатии и деятельности Коминтерна.

3 Модели дезинформации: «Фасад и сила»

ЕСЛИ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ НАХОДИТСЯ В СОСТОЯНИИ КРИЗИСА, если режим является слабым если его руководство расколото или скомпрометировано, логичная схема дезинформации – скрыть кризис и его размеры, привлечь внимание к другим областям и проблемам и представить ситуацию как внутри страны, так и во внешнем мире в как можно более выгодном свете. Эта модель дезинформации – «фасад и сила», или «потемкинская деревня».³ Она применяется во всех коммунистических странах, включая, например, Китай и Румынию, а также Советский Союз.

Общая модель дезинформации определяет формы, которые она принимает, и используемые методы. В рамках модели «фасад и сила» информация, наносящая ущерб режиму, подавляется, а информация, благоприятная для него, преувеличивается. Реальные вопросы отражаются в прессе нечетко, если вообще отражаются. Статистические данные скрываются или завышаются. Пропаганда играет ведущую роль до такой степени, что сама по себе становится основной формой дезинформации. Для поддержания достоверности пропаганды проводятся специальные обманы. Неудачи и слабости режима выдаются за его успехи и сильные стороны. Политическая и идеологическая пассивность и отступление представляются как политические и идеологические победы. Беспокойство о будущем выдается за уверенность. Страхи внешнего мира перед силой коммунистов намеренно возбуждаются, а коммунистическая угроза преувеличивается по сравнению с ее реальным потенциалом, чтобы препятствовать внешнему вмешательству в дела коммунистов.

Массовое использование дезинформации в соответствии с этой моделью было осуществлено во время сталинских чисток и в последние годы его жизни. Например, во время массовых репрессий 1930-х годов режим не без успеха проецировал себя во внешний мир как образцовую демократическую систему под руководством сильного лидера. Красная Армия, офицерский корпус которой был практически ликвидирован, представлялась как самая мощная армия в мире. В послевоенный период скрывалось падение влияния коммунистической идеологии и степень народного недовольства в Советском Союзе с его восточноевропейскими сателлитами; успешно скрывалось значение оппозиции Сталину со стороны Жданова и его ленинградской группы в 1948 году; скрывалась и напряженность в отношениях между Советами и Китаем и другими коммунистическими странами. Блок был представлен в ложном свете как монолит. Политическая, военная и экономическая мощь так называемого монолита была сильно преувеличена в коммунистической пропаганде – главном средстве дезинформации.

Чтобы Запад не смог обнаружить глубину внутреннего блокового кризиса, который пропаганде было призвано скрыть, контакты между коммунистическим и некоммунистическим миром были сведены к абсолютному минимуму. Советским гражданам и гражданам стран-сателлитов было запрещено совершать зарубежные поездки, кроме как в составе официальных делегаций; делегатов тщательно проверяли перед отъездом и держали под пристальным наблюдением во время пребывания за рубежом. Единственными посетителями блока из некоммунистических стран были коммунисты или попутчики, и даже они подвергались тщательной проверке до получения разрешения на посещение. Когда они приезжали, их маршруты строго контролировались, и большая часть их программы была посвящена посещению колхозов и заводов, которые были организованы как выставочные площадки. На иностранных дипломатов и журналистов были наложены жесткие ограничения; их передвижение ограничивалось

---

³ В XVIII веке граф Потемкин организовал речное путешествие для своей государыни, Екатерины II, и послов при ее дворе. Желая показать высокий уровень жизни местного крестьянства в период ее правления, он построил на берегу реки искусственные передвижные деревни. Как только царская баржа проплывала мимо деревень, их спешно разбирали и вновь собирали для показа на более дальних участках пути баржи.

двадцатипятикилометровой зоной вокруг столицы. Был установлен строгий порядок официальных контактов между иностранными дипломатами и коммунистическими чиновниками; в 1946-47 годах были приняты специальные декреты, определяющие ответственность советских чиновников при работе с государственными секретами. Контакты Запада с уличными людьми практически не существовали, а когда они были, то контролировались. Благодаря этим мерам коммунистические страны были буквально отгорожены от остального мира.

Коммунистические газеты были лишены каких-либо подлинных новостей. Их статьи были посвящены только силе режима, достижениям лидеров и недостаткам некоммунистического мира. Только те, кто был искусен в анализе пропаганды и дезинформации могли иногда читать между строк и догадываться о том, что происходит на самом деле.

Официальные речи и партийные документы

Пример практиковавшейся в то время модели «фасад и сила», можно найти в докладе Центрального Комитета КПСС XIX съезду партии в октябре 1952 года. В нем рассматривалась политическая и экономическая ситуация в СССР и коммунистическом блоке после войны. Вот некоторые выдержки:

Зерновая проблема [в Советском Союзе] решена окончательно и бесповоротно.

Достигнутые успехи во всех отраслях народного хозяйства привели к дальнейшему повышению материального и культурного уровня жизни советского общества.

Наша партия, неуклонно проводя ленинско-сталинскую национальную политику, укрепляла советское многонациональное государство, развивала дружбу и взаимное сотрудничество между народами Советского Союза, всемерно поддерживала, обеспечивала и поощряла расцвет национальных культур народов нашей страны, вела непримиримую борьбу против всех и всяческих националистических элементов. Советский государственный строй, выдержавший тяжелые испытания войны, ставший для всего мира примером и образцом подлинного равноправия и содружества наций, демонстрирует великое торжество ленинско-сталинских идей по национальному вопросу.

Отношения СССР с этими странами [коммунистическими сателлитами] являются примером совершенно новых отношений между государствами, ранее не встречавшихся в истории. Они построены на началах равноправия, экономического сотрудничества и уважения национальной независимости. Верный своим договорам о взаимной помощи, СССР оказывает и будет оказывать помощь и поддержку в дальнейшем укреплении и развитии этих стран.

Этот доклад был пародией на реальное положение дел. То, что в нем говорилось, было прямой противоположностью правде. Те, кто составили его, кто одобрили его, и те, кто озвучили его, прекрасно знали, что он абсолютно ложный.

Специальные дезинформационные операции

Специальная служба дезинформации (5-ая служба) была создана в 1947 году как часть советской разведки, известной в то время как Комитет информации (КИ). Ее возглавлял полковник Грауэр.⁴

Специальные дезинформационные операции коммунистических разведывательных служб никогда не рассматриваются как самоцель. Они призваны служить целям политики, обычно путем создания и формирования условий для ее успешного осуществления. Поскольку в последние годы жизни Сталина в советских делах наблюдался острый кризис и отсут-

---

⁴ Бывший руководитель советской разведки в Швеции и в других странах.

ствие какой-либо последовательной политики для его разрешения, специальные операции 5-ой службы были ограничены по масштабам неатрибутивными пропагандистскими операциями, призванными скрыть кризис и оправдать некоторые из наиболее возмутительных и иррациональных случаев поведения Сталина. В качестве примера можно привести попытку посеять подозрение, что Тито и другие югославские лидеры были долгосрочными агентами Запада.

Еще одним фактором, ограничивающим масштабы специальных дезинформационных операций, был культ личности, который пронизывал сталинскую диктатуру и запрещал открытость даже в тех случаях, когда она требовалась для придания правдоподобия лжи. Два примера иллюстрируют это. Советский агент был послан с миссией на Запад. Он должен был притвориться перебежчиком, ищущим политического убежища. Принимающая страна позволила ему дать пресс-конференцию, на которой он, что вполне естественно, раскритиковал советский режим. Когда Сталин прочитал отчет о пресс-конференции, он спросил, кто был контролером агента, а затем сказал: «Где он работал до работы в разведке?». «Он был колхозником», – ответил начальник службы. «Тогда, – сказал Сталин, – отправьте его обратно в его колхоз, если он не может понять, насколько вредны заявления его агента. Они указывают на нашу политическую нестабильность».

В другом случае польская служба безопасности создала фикцию, что подпольная организация в Польше, которая на самом деле была ликвидирована, продолжает действовать. Они хотели использовать эту мнимую организацию в качестве канала для политической и военной дезинформации. Когда Сталина попросили санкционировать передачу этой дезинформации, он отказался. «Это создает неправильное впечатление о политической стабильности Польши», – объяснил он.

В 1951 году, когда советская разведка была передана из КИ (Комитета информации) в МГБ (Министерство государственной безопасности), 5-ая служба стала управлением в новом КИ при Министерстве иностранных дел, занимаясь только дипломатической дезинформацией. Во время антисемитской кампании 1951-53 годов 5-ая служба была так же деморализована, как и остальные сотрудники разведки. Фактически, ее руководитель Грауэр сошел с ума. Его сменил Иван Иванович Тугаринов, который впоследствии стал главой КИ.

4 Модели дезинформации: Переход

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ МЕЖДУ ПРЕЕМНИКАМИ СТАЛИНА длилась со смерти Сталина в 1953 году до окончательной победы Хрущева в июне 1957 года. В значительной степени борьба шла не только между соперничающими личностями, а между соперничающими политиками. В отсутствие устоявшейся и последовательной политики неудивительно, что в советской разведке в этот период не было централизованного отдела дезинформации. Дезинформация практиковалась спорадически начальниками отделов, действовавшими по указанию руководителя службы.

Целями дезинформации в это время было скрыть от Запада размеры внутреннего кризиса в коммунистическом мире, размыть различия в политике претендентов на преемственность, скрыть жестокость борьбы и исказить процесс десталинизации.

Успешное сокрытие внутреннего кризиса можно проиллюстрировать на примере обработки информации о событиях в Грузии.

5 марта 1956 года, в годовщину смерти Сталина, в Тбилиси, столице Грузии, произошли первые массовые беспорядки. Большие толпы людей, особенно студентов, стихийно собрались на антисоветский митинг на главной площади. Выступающие требовали отмены однопартийного правления, роспуска службы безопасности, свободы слова и независимости Грузии от Советского Союза. Студенты обратились к толпе с призывом присоединиться к восстанию, и многие грузины откликнулись на призыв. По приказу Хрущева на улицы были выведены специальные войска с приказом открыть огонь по толпе. Многие были убиты и ранены. Многие студенты были арестованы. Национальные подразделения грузинских и армянских войск в местном военном округе были разоружены и демобилизованы за одну ночь.

То, что произошло в Грузии весной 1956 года, можно сравнить с «Кровавым воскресеньем» (9 января 1905 года), печально известным днем в истории России, когда по приказу царя народная демонстрация была разогнана с кровопролитием. В 1905 году заголовок о Кровавом воскресенье был опубликован во всех газетах России, вызвав массовое возмущение по всей стране. В 1956 году это событие было проигнорировано. Ни одна газета не упомянула о нем. Казалось, что этого никогда не было. До сих пор остается государственной тайной, что Хрущев и Серов, председатель КГБ, поспешили в Грузию, чтобы руководить подавлением беспорядков.

Грузия была полностью изолирована от остальной части страны. Район, привлекающий отдыхающих со всего Советского Союза на свои знаменитые курорты, был пустынным в течение всего лета 1956 года. Был введен жесткий контроль за поездками. Полуофициально объяснялось, что осуждение Сталина расстроило сильные националистические чувства грузин.

Новости о беспорядках в Грузии позже дошли до Запада, но они были истолкованы как националистическая вспышка недовольства от обращения со Сталиным, а не как спонтанный митинг против всей советской системы.

Искаженное представление о десталинизации

Что касается борьбы за власть, то ЦК, КИ при МИДе и КГБ были вовлечены Хрущевым в успешную дезинформационную операцию по искажению причин устранения его соперников и реального характера его собственных позиции и политики. Поскольку эта операция включала в себя искажение вопросов, связанных со сталинизмом и десталинизацией, и представляла собой часть базовой техники для программы стратегических дезинформационных операций, начатых в 1959 году, она заслуживает подробного объяснения.

Чтобы избежать недопонимания, полезно начать с проведения различия между антикоммунизмом и антисталинизмом и с определения степени, в которой десталинизация является подлинным процессом.

Антикоммунизм

Антикоммунизм не связан с враждебностью к какому-либо отдельному коммунистическому лидеру. Он означает оппозицию коммунистическим принципам и практике; это критическое отношение к коммунизму в самом широком смысле. В различных формах он существовал в Советском Союзе и за его пределами с 1917 года. Он развился во времена Ленина, расцвел при Сталине и продолжал существовать, хотя и менее энергично, при его преемниках. В нем можно выделить три тенденции: консервативную, которая более или менее жестко и последовательно выступает против коммунизма; либеральную, которая время от времени выступает за определенную степень приспособления к коммунизму; и нейтралистскую, особенно среди некоммунистических соседей коммунистического блока, которые пытаются заключить практические соглашения с коммунистическими режимами, чтобы обеспечить свое собственное выживание.

Антикоммунизм в интеллигенции может возникнуть из-за интеллектуального неприятия догматических притязаний марксизма как философии. На всех уровнях общества его подпитывает убеждение, что коммунизм – это противоестественная, нетерпимая и бесчеловечная система, которая пренебрегает личностью, поддерживает себя в основном силой и террором и проводит агрессивную идеологическую политику, направленную на окончательное господство в мире. В прошлом коммунистическая теория и практика в таких вопросах, как захват власти, злоупотребление и разрушение демократических учреждений, подавление свободы личности и использование террора, вызывали воинственный ответ социал-демократов, что привело к углублению пропасти между социалистической и коммунистической партиями и расколу в международном рабочем движении.

Сила международного антикоммунизма то возрастала, то ослабевала. Двумя пиками были англо-французские усилия по созданию европейской антисоветской коалиции во время гражданской войны в России с 1918 по 1921 год и создание НАТО после Второй мировой войны. Внутри и за пределами Советского Союза антикоммунизм выражался в различных формах, начиная с 1917 года. Типичные примеры можно найти в гражданской войне в России 1918-21 годов, в сепаратистских движениях в нерусских республиках, в восстаниях на Кавказе и в Средней Азии в 1920-х годах, в более поздних подпольных движениях сопротивления в Украине и в балтийских республиках; и в деятельности эмигрантских организаций, политических беженцев и тех, кто порвал с западными коммунистическими партиями.

Оппозиция такого рода существовала бы независимо от того, был бы Сталин у власти или нет, но она была усилена и ожесточена его репрессивным влиянием. Фактически, правление Сталина было настолько личным и деспотичным, что на какое-то время сталинизм стал почти синонимом коммунизма, а оппозиция одному стала путаться с оппозицией другому, тем более что Сталин подавлял оба вида оппозиции с одинаковой беспощадностью и жестокостью. В 1930-е годы он подавлял действительную и мнимую оппозицию себе массовыми репрессиями, даже членов партии. Некоторые из лидеров Третьего Интернационала, такие как Зиновьев, Бухарин и Бела Кун, были расстреляны. Троцкий, который наряду с социал-демократическими лидерами рассматривался Сталиным как один из самых опасных врагов Советского Союза, был убит в 1940 году тайными агентами, действовавшими по приказу Сталина. Социал-демократические лидеры в Восточной Европе после Второй мировой войны были физически устранены.

Антисталинизм

Все антикоммунисты являются антисталинистами. Но важно отметить, что антисталинизм традиционно принимался многими коммунистами, которые стремились не отменить коммунистическую систему, а укрепить и очистить ее путем устранения определенных элементов в политике и практике Сталина. Антисталинизм такого типа критикует коммунизм только в узком смысле. Он существовал в коммунистическом движении с 1922 года. После смерти Сталина он стал элементом официальной партийной жизни и политики и породил подлинный процесс десталинизации.

Во многих отношениях политика Сталина следовала классическим ленинским доктринам: например, в диктатуре пролетариата и коммунистической партии, индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, ликвидации капиталистических классов, строительстве «социализма» в Советском Союзе и в поддержке «социалистических» революций за рубежом. Но были и отступления от ленинских принципов, и практика в сталинском учреждении своей личной диктатуры, безжалостных физических устраниний оппозиции и репрессии против лояльных элементов внутри партии, в расширяющейся пропасти, которую он создал между правящим классом и обездоленными рабочими и колхозниками, а также в манипулировании и дискредитации коммунистической идеологии.

Коммунистическая оппозиция Сталину выражалась на протяжении многих лет:

- Лениным, который в своем завещании критиковал грубость и нетерпимость Сталина и предложил снять его с поста генерального секретаря партии.
- Публично, в 1920-х и 1930-х годах, Троцким и его последователями, которые проводили различие между ленинскими и сталинскими элементами в политике Сталина.
- Публично Тито и югославской коммунистической партией, во время и после раскола со Сталиным в 1948 году.
- Тайно Ждановым и его ленинградской группой в 1948 году.
- Тайно китайскими коммунистическими лидерами с 1950 по 1953 год и открыто в 1956 году.
- На деле а не на словах с 1953 по 1956 год, и открыто с 1956 года и далее, лидерами КПСС и других коммунистических партий.

Критика этих людей и групп была разной по интенсивности и откровенности, но все они оставались коммунистами в своих различных проявлениях и, в частности, сохраняли верность ленинизму. Они были истинным выражением десталинизации; то есть они верили в восстановление ленинского коммунизма без сталинских отклонений.

Опасности сталинизма для коммунистического движения игнорировались или не замечались в 1930-х и 1940-х годах из-за угрозы фашизма и возможностей, которые он предоставлял для формирования народных фронтов с социалистическими партиями в 1930-х годах и для создания военного союза с западными державами. Но к 1953-56 годам ущерб, нанесенный сталинизмом коммунистическому делу, стал очевиден. Это можно увидеть в следующем:

- Искажение, деградация и дискредитация коммунистической идеологии. Образ марксизма как философии был опорочен в глазах западной интеллигенции.
- Углубление недовольства в Советском Союзе и его сателлитах, что привело к взрывчатым революционным ситуациям в ГДР, Польше и Венгрии.
- Упадок коммунистического влияния и изоляция коммунистических партий и режимов.
- Отвращение к сталинскому коммунизму западных либералов, которые ранее относились к нему с симпатией.
- Возросшее влияние и престиж антикоммунизма.

- Сильная оппозиция со стороны различных религиозных движений, включая католицизм и ислам.
- Формирование западных военных союзов, таких как НАТО, СЕАТО и Багдадский пакт (позднее СЕНТО).
- Враждебность со стороны умеренных, искренне неприсоединившихся национальных лидеров развивающихся стран, таких как Неру.
- Сотрудничество между западными демократическими правительствами и антикоммунистическими эмигрантскими организациями.
- Сотрудничество между социал-демократическими и консервативными правительствами и партиями против советской угрозы.
- Разрыв Югославии с коммунистическим блоком и сближение с Западом в период 1948-55 гг.
- Серьезная напряженность между Советским Союзом и коммунистическим Китаем, которая грозила привести к расколу между ними в 1950-53 гг.
- Оппозиция Жданова к Сталину.
- Основная борьба за власть в советском руководстве, последовавшая за смертью Сталина.

В некоторых регионах сталинизм объединил два вида оппозиции: антикоммунизм и антисталинизм. В случае Югославии, которая после 1948 года оказалась ближе к Западу, чем к коммунистическому блоку, они почти слились. В нынешнем контексте самым значительным эпизодом в истории неудачной оппозиции Сталину при его жизни была попытка сформировать группу вокруг Жданова в 1948 году. Несмотря на неудачу, она была известна непосредственным наследникам Сталина в советском руководстве. Она была частью накопленных ими знаний о различных формах оппозиции коммунизму и сталинизму и важным аргументом, заставившим их признать необходимость исправления сталинских искажений в системе, если они хотели избежать катастрофы. Десталинизация была очевидным курсом, и теперь необходимо рассказать о том, как она была осуществлена после смерти Сталина.

Десталинизация на практике

Можно выделить три различных этапа десталинизации: Во-первых, начальная, нерепетированная и непродуманная, но подлинная десталинизация, проводившаяся с 1953 по 1956 год растерянным, разделенным и конкурирующим руководством под давлением населения и при отсутствии какой-либо долгосрочной политики для блока; во-вторых, откат от десталинизации в 1956-57 годах, когда Хрущев прибегал к сталинским методам для подавления восстания в Венгрии и оппозиции себе, чтобы обеспечить свое личное превосходство; в-третьих, осторожное возрождение с 1958 года некоторых подлинных элементов десталинизации (например, постепенное освобождение и реабилитация некоторых жертв Сталина) в сочетании с расчетливой политической эксплуатацией этого процесса, в ходе которой некоторые его элементы намеренно искажались.

Импровизированная десталинизация с 1953 по 1956 год

Десталинизация началась не с секретного доклада Хрущева на XX съезде КПСС в феврале 1956 года, как часто полагают, а сразу после смерти Сталина в марте 1953 года. Каждый из претендентов на престол – Берия, Маленков, Молотов, Булганин, Хрущев – был по-своему антисталинистом. Все они без исключения знали о кризисе коммунистической системы и все они были согласны с настоятельной необходимостью отказа от сталинской политики. С другой стороны, существовали разногласия по поводу характера и масштабов необходимых измене-

ний. Ни один из претендентов не был преобладающим, ни один из них не разработал деталей своей собственной политики, и – живя, как и прежде, под тенью Сталина – между ними не было выработано никаких соглашений по вопросам политики.

Различные личности и политика претендентов повлияли на ход десталинизации. Берия помышлял о наиболее глубоких и гетеродоксальных формах изменений, включая упразднение колхозов. Маленков, наиболее уверенный в собственной позиции, пошел дальше других в открытом осуждении методов тайной полиции и отстаивании уступок народным требованиям. Десталинизация была инициирована не Хрущевым, а Маленковым, Берией и Молотовым, которые доминировали в Президиуме после смерти Сталина.

Ряд шагов были сделаны более-менее сразу. Были пересмотрены дела некоторых ведущих деятелей, которые были судимы и заключены в тюрьму при Сталине. Кремлевские врачи были освобождены. Был издан запрет на массовые аресты. Международная напряженность была ослаблена урегулированием корейской войны. Сталинское указание от декабря 1952 года о возобновлении деятельности советской разведки за рубежом было отменено, чтобы не скомпрометировать влияние новой умеренности в советской внешней политике.

Первый намек на принижение роли Сталина и признание его ошибок был сделан в июле 1953 года в секретном письме партии к членам партии, в котором сообщалось об увольнении Берии и причинах этого. В нем Сталин упоминался не как выдающийся лидер, а просто как «Сталин И.В.», а его имя было заключено в скобки с именем Берии, и утверждалось, что фаворитизм Сталина помешал разоблачению Берии. Это было первое молчаливое признание членами партии ошибочности Сталина.

Позже в партийных кругах стало известно, что в июле 1953 года после ареста Берии в Президиуме по инициативе Маленкова состоялось обсуждение. Единогласно было принято решение внести изменения в сталинскую практику в партии и администрации, хотя и без публичной критики Сталина. В частности, Президиум рекомендовал пересмотреть и реформировать практику работы службы безопасности с тем, чтобы в будущем, когда ситуация в партии и стране успокоится, найти разумное объяснение отступлению Сталина от коммунистических принципов, таким как его необоснованные репрессии против персонала, включая членов партии. Все члены Президиума, включая Хрущева, согласились, что критиковать следует только Сталина и Берия и что не должно быть признания ошибок другими членами Президиума.

Таким образом, секретный доклад о преступлениях Сталина, представленный Хрущевым в феврале 1956 года на XX съезде партии, который позже попал на Запад, но никогда не был опубликован в Советском Союзе, на самом деле был следствием решения Президиума. Доклад был подготовлен Пospelовым, руководителем Научно-исследовательского института партии Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Факты были взяты из секретных архивов спецслужб, а многие идеи – из рассказов ленинской «старой гвардии» о сталинских репрессиях найденных в мемуарах бывших коммунистических лидеров, опубликованных на Западе в 1930-е годы, особенно у Троцкого. Проект доклада Пospelова был обсужден и одобрен Президиумом накануне съезда партии.⁵ Выступая с докладом, Хрущев добавил несколько собственных штрихов.

Самым важным моментом в докладе было то, что он предотвратил перерастание десталинизации в нападение на коммунистические принципы в целом. Изменения, о которых задумывались Берия и Маленков своих ревизионистских версиях десталинизации, могли изменить режим в принципе. Более того, учитывая глубину кризиса в коммунистическом мире и интенсивность борьбы за власть в советском руководстве, если бы эти изменения были продолжены, они могли бы получить собственный импульс и привести к радикальной трансформации советского общества независимо от желания их инициаторов и с неисчислимыми последствиями для

⁵ Эти утверждения подтверждаются официальными записями выступлений различных членов Президиума на XX съезде партии, включая выступления Хрущева, Молотова, Маленкова, Микояна и Кагановича.

Советского Союза и остального коммунистического и некоммунистического мира. Недаром Берию расстреляли за то, что он был «агентом мирового империализма», а Маленкова сняли с поста председателя Совета Министров в 1955 году за «отход от теорий Ленина и Сталина». Их идеи действительно угрожали режиму и могли привести к ситуации, которую они не смогли бы контролировать. Возложив вину за все прошлые ошибки на проступки, а не на теории одного единственного человека – Сталина, руководство партии смогло, внося некоторые тактические изменения, сохранить суть коммунистического режима.

Ресталинизация

Разоблачение ошибок Сталина дало существенный толчок антикоммунизму в целом и антисталинским настроениям в коммунистических партиях как блока, так и вне блока. В Грузии, Польше и Венгрии произошли восстания. Кризис во многих других коммунистических партиях углубился.

Ответом Хрущева стал возврат к сталинским методам. Служба безопасности была усилена; вооруженная сила использовалась для подавления восстаний в Советском Союзе и Восточной Европе.

Продвижение Хрущева к своей собственной форме личной диктатуры встревожило своих коллег в руководстве. Молотов и Маленков появились как лидеры оппозиции. В это время, Молотов формировал своё собственное отношение и политику к десталинизации. Он и его сторонники ясно дали понять, что хотят сместить Хрущева, чтобы обеспечить продолжение процесса десталинизации, который задержал Хрущев. Как коммунисты, они хотели стабилизировать систему, и они с тревогой смотрели на создание Хрущевым собственного культа личности. Это угрожало их собственному положению. По их мнению, его обращение к политике репрессий могло привести к еще большему взрыву, чем венгерское восстание, и полностью противоречило курсу, принятому после смерти Сталина. Хрущев, в их глазах, был новым Сталиным, которого нужно было убрать.

Развязка наступила в июне 1957 года. С помощью армии и службы безопасности Хрущев с минимальным перевесом победил «антипартийную группу». Если бы оппозиция добилась успеха, это вновь открыло бы возможность подлинного и неконтролируемого процесса десталинизации и либерализации режима. Публичное разоблачение сталинских методов, использованных Хрущевым для достижения личной власти, в сочетании с новыми разоблачениями репрессий тайной полицией и публичным судом над председателем КГБ Серовым, привело бы к народным требованиям дальнейших перемен. Будучи разделенной, оппозиционная группа, если бы она пришла к власти, была бы вынуждена пойти на уступки независимо от желания отдельных членов. Возникла бы обостренная борьба за власть, и новая, согласованная, долгосрочная политика не была бы принята.

Победа Хрущева над оппозицией в июне 1957 года оставило его в неоспоримом положении, позволяющем пересмотреть ситуацию в Советском Союзе и блоке без вмешательства изнутри руководства. Первым его шагом было перевести стрелки на антипартийную группу, ложно, но успешно навесив на них ярлык сталинистов. Ему удалось присвоить себе заслугу разоблачения преступлений Сталина, скрыть свое собственное использование сталинских методов в погоне за властью и отвлечь внимание от сути обвинений оппозиции против него. Искажённое представление о победе над силами сталинизма, поражение оппозиции было представлено как благословение для советской общественности и всего мира. Хотя внутри страны и даже в некоторых партийных организациях наблюдался первоначальный скептицизм, давление на правительство как внутри страны, так и за рубежом было ослаблено.

5 Новая политика и стратегия дезинформации

ПОБЕДА ХРУЩЁВА в борьбе за власть в июне 1957 года ознаменовала начало конца кризиса в мировом коммунизме. Она открыла период стабильности, в котором отношения между членами коммунистического блока должны были быть восстановлены на новой и более прочной основе и в котором предстояло разработать новую долгосрочную политику и новые стратегии для его реализации.

В течение нескольких дней после своей победы Хрущев возобновил усилия по восстановлению партийных и государственных отношений с югославами, курс на которые он взял во время своего визита к Тито в мае 1955 года.

Уже к июню 1957 года советские и китайские лидеры пришли к согласованной оценке Сталина и его искажений коммунистической доктрины. Китайский вклад в эту оценку содержится в двух статьях Мао, которые были опубликованы в советской прессе в апреле и декабре 1956 года.⁶ На VIII съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в сентябре 1956 года китайские лидеры поддержали осуждение культа личности XX съездом КПСС в феврале 1956 года.⁷

К концу 1957 года было достигнуто примирение между лидерами всех коммунистических государств. На совещании в Москве в ноябре 1957 года все они согласились, что Сталин несет ответственность за пагубные искажения коммунистической теории и практики. Все они в той или иной степени возмущались вмешательством Сталина в их внутренние дела и жестким конформизмом, которого он от них требовал. Но все (включая югославов, чье присутствие на совещании было намеренно скрыто) были готовы сотрудничать на ленинской основе в партнерстве равных. Советы, по сути, согласились отказаться от своего доминирования в коммунистическом движении. Они даже предложили отказаться от ссылок на свою ведущую роль в декларации, опубликованной после окончания совещания. По настоянию Китая такие ссылки были включены. Совещание приняло непубличное решение сформулировать новую, ленинскую программу мирового коммунизма, которая должна была наполнить движение чувством цели и направления, в котором оно так нуждалось.⁸

Следующие три года были периодом интенсивных исследований и консультаций между коммунистическими партиями внутри блока и за его пределами, пока разрабатывались новая политика и стратегии.⁹ Кульминацией этого процесса стало совещание 81 партии, состоявшееся в Москве в ноябре 1960 года. Лидеры всех восьмидесяти одной партии обязались следовать программе, изложенной в Заявлении совещания, или, как его иногда называют, Манифесте. С того дня и по сей день главной связующей силой в коммунистическом движении, внутри и

---

⁶ См. статьи Мао «Об историческом опыте диктатуры пролетариата» и «Еще об историческом опыте диктатуры пролетариата», опубликованные в «Правде» 5 апреля и 29 декабря 1956 года соответственно. Мао писал: «В ходе борьбы внутри и вне партии Сталин иногда в некоторых вопросах смешивал два различных по своему характеру вида противоречий – противоречия между врагами и нами и противоречия внутри народа, смешивал различные методы разрешения этих двух видов противоречий. В ходе проводившейся под руководством Сталина борьбы по искоренению контрреволюции были справедливо наказаны многие контрреволюционеры, которых нужно было наказать, но вместе с тем были ошибочно осуждены и невинные люди, таким образом в 1937 и 1938 годах были допущены ошибки – перегибы в борьбе с контрреволюцией. В партийной и государственной жизни Сталин не в полной мере проводил или частично нарушал пролетарский принцип демократического централизма. Он допускал некоторые ошибки и в отношениях с братскими партиями и братскими странами. В международном коммунистическом движении он давал также некоторые ошибочные советы. Все эти ошибки нанесли известный ущерб Советскому Союзу и международному коммунистическому движению».

⁷ См., например, выступления Мао, Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пина в 1956 году.

⁸ В декабре 1957 года члены партии в Институте КГБ, включая автора, получили секретное инструктирование о ноябрьском совещании стран блока от генерала Куренкова, руководителя института, который был гостем на конференц-заседании и сам был проинструктирован генералом Серовым. Эта и другая до сих пор неопубликованная информация о совещании взята из этого инструктирования.

⁹ В эти годы автор служил в Институте КГБ и в центральном аппарате КГБ.

вне блока, был не диктат Советского Союза, а верность общей программе, в которую внесли свой вклад лидеры многих коммунистических партий. Несмотря на последующую видимость, между лидерами партий была создана атмосфера доверия, в которой советское принуждение стало излишним, но советские советы и помощь принимались охотно.

Новая политика

В 1957 году, как и в 1921 году, коммунистические стратеги, разрабатывая свою новую программу, должны были учитывать политическую, экономическую и военную слабость коммунистического блока и неблагоприятный баланс сил по отношению к Западу. Раскольнические тенденции в Венгрии и других странах Восточной Европы угрожали сплоченности блока в 1957 году, как националистические движения угрожали единству Советской России в 1921 году. Коммунистический мир столкнулся с враждебностью западных как консерваторов, так и социалистов. Западная пропаганда держала коммунистические режимы под постоянным давлением. Запад в целом неохотно торговал с блоком. И блок столкнулся с совершенно новым фактором – возможностью ядерной конфронтации.

Как на этом фоне коммунистические лидеры могли сделать свою систему более приемлемой для своих народов? Как они должны были добиться сплоченности и сотрудничества между членами блока? И как они могли продвигать коммунистическое дело за пределами блока, не провоцируя большую степень единства в некоммунистическом мире? Было ясно, что возврат к сталинской политике массовых репрессий внутри страны потерпит неудачу, а традиционная революционная тактика за рубежом только усилит конфронтацию с Западом в период неблагоприятного соотношения сил. Прецедент ленинского НЭПа, казалось, давал ответы на многие вопросы, хотя, конечно, новая политика должна была быть гораздо более сложной и изощренной.

Необходимость новой политики с особой остротой ощущалась советским руководством. Старшие члены, такие как Хрущев, Брежнев, Микоян, Суслов, хотели очиститься от пятен сталинизма и реабилитировать себя в глазах истории. Более молодые, как Шелепин, хотели получить признание новаторов. Все они понимали, что только соглашение о долгосрочной политике исключит периодическую борьбу за власть и обеспечит стабильность руководства.

В Заявлении, принятом на совещании 81 партии (ноябрь 1960 года), явно прослеживается влияние идей и практики Ленина, как и в последующей речи Хрущева от 6 января 1961 года.¹⁰ Эти два основных документа продолжают определять курс коммунистической политики и по сей день. В них подробно объясняется, как победа коммунизма во всем мире должна быть достигнута путем консолидации экономической, политической и военной мощи коммунистического мира и подрыва единства и силы некоммунистического мира. Использование коммунистическими партиями различных насильственных и ненасильственных тактик специально разрешено. Мирное сосуществование прямо определено как «интенсивная форма классовой борьбы между социализмом и капитализмом». Рекомендуются использование мировым коммунизмом экономических, политических, расовых и исторических антагонизмов между некоммунистическими странами. Поддержка «национально-освободительных» движений в странах третьего мира подтверждена.

Все стороны, внутри и вне блока, включая китайцев, подписали Заявление – за единственным исключением Югославии. По тактическим соображениям Югославия не присутствовала на конгрессе, но, как впоследствии публично заявили Громыко и Тито, югославская и советская внешняя политика совпадали по многим вопросам.

---

¹⁰ «Всемирное марксистское обозрение – Проблемы мира и социализма», (декабрь 1960) и (январь 1961).

Соглашение между коммунистическими лидерами о новой ленинской программе мировой революции было лишь половиной дела. Необходима была стратегия для реализации этой программы в условиях, когда население коммунистического блока было серьезно отчуждено от своих коммунистических режимов, а превосходящие в военном отношении западные державы были полны решимости противостоять дальнейшему распространению коммунизма.

Некоторые аспекты стратегии, такие как объединенные фронты с социалистами в развитых капиталистических странах и поддержка национально-освободительных движений в странах третьего мира, были открыто провозглашены. Но решение использовать систематическую, стратегическую дезинформацию в качестве основного компонента стратегии, очевидно, должно было быть тщательно скрыто.

Недостатки кажущегося единства

Коммунистические стратеги понимали, что главным недостатком проведения всеми сторонами блока единой и открыто агрессивной политики было то, что сочетание идеологического рвения с монолитным единством встревожило бы некоммунистический мир и заставило бы его к большей сплоченности и, возможно, к энергичному и скоординированному ответу на коммунистическую угрозу. В лучшем случае это привело бы к сохранению статус-кво между Востоком и Западом, а в худшем – к усилению давления на коммунистический мир со стороны Запада, обладающего превосходящим ядерным арсеналом.

Единая стратегия была бы еще большим препятствием для международного коммунистического движения. Опыт показал, что деятельность Коминтерна была затруднена его идентификацией в качестве инструмента советской политики. То же самое можно сказать и о Коминформе, его преемнике. Коммунистические партии в некоммунистическом мире не смогли добиться влияния или, во многих случаях, даже юридического признания из-за их очевидного подчинения Москве. В 1958 году, более сорока партий были незаконными.

На основе исторического опыта Советского Союза и блока, коммунистические стратеги определили факторы, которые благоприятствовали объединенным действиям Запада против коммунизма. В период до НЭПа Запад чувствовал угрозу со стороны советской идеологии и воинственности. Результатом этого стала интервенция союзников на территорию России. После окончания Второй мировой войны угроза монолитного сталинского коммунизма заставила Запад объединиться в военные и политические союзы, такие как НАТО, СЕАТО и Багдадский пакт, а также в другие формы военного, политического, экономического сотрудничества и сотрудничества в области безопасности.

Аналогичным образом коммунистические стратеги определили факторы, которые имели тенденцию подрывать единство в западном подходе к коммунистическому миру. Это были умеренность в официальной советской политике; акцент на противоречивых национальных интересах коммунистических стран и партий в ущерб их идеологической солидарности; и роспуск Коминтерна в 1943 году, который заставил многих западных наблюдателей поверить, что всемирная коммунистическая подрывная деятельность была прекращена.

Преимущества кажущейся разобщенности

Коммунисты считают единство между западными державами нестабильным по своей природе; из природы капиталистической системы следует, что в нормальных обстоятельствах раскольнические соображения национальных интересов перевешивают тенденции к солидарности и сплоченности. Поэтому коммунистические стратеги рассудили, что, создавая правильный образ блока и коммунистического движения, они могут помочь разрушить ту меру западного единства, которую создала сталинская политика. Более того, они решили не ждать

появления естественных противоречий и раскола на Западе, а предпринять активные политические шаги, чтобы искусственно создать условия, в которых экономическое и политическое единство Запада будет иметь тенденцию к распаду и которые, таким образом, окажутся благоприятными для осуществления их долгосрочной блоковой политики. По их мнению, благодаря последовательным и скоординированным усилиям, страны блока смогут влиять на политику и на отношение правительств с населением некоммунистического мира в благоприятном для себя направлении. Перед ними был успешный прецедент советской политики и разведывательных операций в период НЭПа.

Наивные иллюзии, проявленные Западом в прошлом в отношении коммунизма и его политики, неспособность западных союзников выработать скоординированную, долгосрочную политику во время их союза с Советским Союзом во время Второй мировой войны, а также склонность капиталистических стран проводить политику, основанную на национальных интересах – все это учитывалось при планировании того, как оказать влияние на Запад.

Был сделан вывод, что если факторы, которые ранее служили для создания сплоченности Запада в определенной степени – то есть коммунистическая идеологическая воинственность и монолитное единство – будут восприниматься Западом, соответственно, как умеренные и дезинтегрирующие, и если, несмотря на увеличение фактической силы блока, будет успешно проецироваться образ блока, ослабленного экономическим, политическим и идеологическим беспорядком, то реакция Запада на коммунистическую политику будет более слабой и менее скоординированной; фактические тенденции Запада к дезинтеграции могут быть спровоцированы и поощрены, создавая тем самым условия для изменения баланса сил в пользу коммунистического блока.

Другими словами, общая логика подсказывала, что блок должен идти к своей цели – всемирной победе коммунизма – путем создания собственного единства и координации своей политики, насколько это возможно втайне, и в то же время подрывать единство и сопротивление некоммунистического мира, создавая ложный образ собственной эволюции, разобщенности и слабости. В этом, собственно, и заключалась скрытая суть долгосрочной политики блока, принятой в 1958-60 годах, и основа различных стратегий, разработанных с тех пор для осуществления этой политики. Совещание 81 партии в Москве в ноябре 1960 года вполне могло бы создать новый, открытый центральный координационный орган международного коммунистического движения в качестве преемника Коминтерна и Коминформа, но оно этого не сделало. Вместо этого оно одобрило использование отдельными коммунистическими партиями различной тактики в рамках долгосрочной политики и, вместо контролирующего центра, призвало к координации и синхронизации политики и тактики между партиями блока и вне его. Таким образом, хотя координация была фактически улучшена, решение не создавать новый, явный центральный орган, акцент на «полицентризме» и использование множества различных тактических приемов коммунистическими партиями, были призваны создать эффект, аналогичный тому, который возник в результате роспуска Коминтерна в 1943 году.

Политическое использование десталинизации

Советские лидеры признали, что на первом этапе десталинизации были допущены ошибки. Слишком много реабилитаций жертв Сталина было допущено слишком быстро; партия и служба безопасности были слишком пассивны перед лицом спонтанной реакции интеллигенции на разоблачение преступлений Сталина; прежде всего, советские лидеры признали, что им следовало заранее проконсультироваться с партиями других коммунистических стран. Они понимали, что дальнейшие неконтролируемые меры по десталинизации могут привести к усилению ревизионизма и народным волнениям. Но они также понимали, что энергичное размахивание антисталинским флагом может помочь им подорвать оппозицию внутри страны и

улучшить свой имидж за рубежом; часть ущерба, нанесенного сталинизмом, может быть восстановлена.

Контролируемый антисталинизм можно было использовать для стабилизации режима; с помощью пропагандистского акцента на различиях между новой политикой и политикой Сталина можно было подорвать некоторую внутреннюю и внешнюю оппозицию. Например, бывшие члены коммунистической партии всех рангов, пострадавшие от репрессий при Сталине, или их вдовы и семьи могли быть привлечены к активному сотрудничеству с режимом в проведении ленинской политики, которая якобы отвергала сталинизм. Контролируемый антисталинизм мог создать благоприятные условия для политических и дипломатических маневров против некоммунистических стран. Он мог быть использован для изменения отношения к коммунизму и коммунистическим партиям в рабочем и социал-демократическом движениях. Если последствиями сталинизма в форме личной диктатуры и неизбирательного использования террора для подавления оппозиции внутри и вне партии были слияние и союзы между различными типами оппозиции, то можно утверждать, что акцент на антисталинизме может привести к ослаблению и разрушению таких союзов. Если сталинизм привел к сотрудничеству между группами с различными интересами, между консерваторами и социал-демократами при создании НАТО, между западными капиталистами и югославскими коммунистами-ревизионистами после 1948 года, между российскими эмигрантами и западными правительствами, антисталинизм мог быть использован для ослабления этих связей. Если сталинизм способствовал падению советского престижа, дипломатическим неудачам и потере союзников, антисталинизм можно было использовать для того, чтобы обратить этот процесс вспять, вернуть старых союзников и приобрести новых среди западных интеллектуалов, либералов, социал-демократов и националистов.

В 1953-1956 годах подлинная, импровизированная десталинизация использовалась для исправления ошибок и улучшения советского режима. В 1956 и 1957 годах Хрущев обманым путем использовал мнимую десталинизацию как средство победы над своими соперниками, скрывая при этом характер своих собственных методов. С 1958 года и далее расчетливое, обманное использование мнимой десталинизации помогало новой долгосрочной политике достигать своих внутренних и внешних целей.

К 1958 году реальные вопросы, связанные со сталинизмом, антисталинизмом, ревизионизмом и национальным коммунизмом, были решены, но они могли быть возрождены в искусственной форме как «вопросы», якобы вызывающие разногласия между различными лидерами и различными партиями внутри и вне блока. Отдельные коммунистические лидеры или группы лидеров (все они – убежденные ленинцы) могли быть представлены в ложном свете и противопоставлены друг другу как «сталинисты», «неосталинисты», «маоисты», «догматики», «сторонники жесткой линии», «приверженцы», «боевики» или «консерваторы» в противовес «антисталинистам», «прагматикам», «ревизионистам» и «национальным», «либеральным», «прогрессивным» или «умеренным» коммунистам.

Цели дезинформации по этим «вопросам» можно резюмировать следующим образом:

- Путем оживления мертвых тем и демонстрации явных разногласий по ним, представить коммунистические страны как находящиеся в состоянии беспорядка в соответствии со слабой и эволюционной моделью дезинформации.

- Проецируя ложную картину национализма и конкурирующих национальных интересов в коммунистических режимах блока и между ними, чтобы скрыть фактическое единство партий и правительств блока в их стремлении к общей идеологической политике на долгосрочную перспективу.

- Создавать благоприятные условия для реализации данной политики как внутри компании, так и за ее пределами.

- Обеспечить широкую основу и удобную технику для конкретных дезинформационных операций по советским отношениям с Югославией, Албанией, Китаем, Румынией, Чехословакией и некоторыми западноевропейскими коммунистическими партиями.
- Использовать эти вопросы для дезинформации о якобы продолжающейся борьбе за власть и нерешенной проблеме преемственности, о сдвигах во внутренней политике коммунистов и в дипломатической тактике для реализации различных этапов этой политики.

Источники вдохновения

Основное решение вернуться к полномасштабному использованию стратегической дезинформации, принятое в 1957 году, вызвало всплеск исследований прецедентов и методов. Например, Центральный комитет запросил секретные публикации по этой теме, имевшиеся в КГБ и ГРУ, в частности, секретное учебное пособие для внутреннего пользования, написанное офицером ГРУ Поповым, в котором на восьмидесяти страницах описывалась техника дезинформации, и другое пособие, написанное полковником КГБ Райной, под названием «Об использовании агентов влияния».¹¹

В руководстве Попова дезинформация определялась как средство создания благоприятных условий для получения стратегических преимуществ над противником. В нем указывалось, что дезинформация должна функционировать в соответствии с требованиями военной стратегии и дипломатии, и оговаривалось, что при любых обстоятельствах она должна быть подчинена политике.

В книге классифицируются различные виды дезинформации: стратегическая, политическая, военная, техническая, экономическая и дипломатическая. В ней перечислены каналы, по которым может распространяться дезинформация, а именно:

- Заявления и речи ведущих государственных деятелей и официальных лиц страны происхождения.
- Официальные правительственные документы.
- Газеты и другие материалы, опубликованные в этой стране.
- Зарубежные публикации, вдохновленные агентами, работающими среди иностранных журналистов и других экспертов.
- Специальные операции в поддержку дезинформации.
- Агенты влияния и другие агенты в зарубежных странах.

Исследования отдельных аспектов НЭПа проводились по заказу ЦК КПСС, начиная с 1957 года. Наряду с правительственными ведомствами, свой вклад внесли такие научные учреждения, как Институты права и истории. Два проекта, имеющих особое значение для повторного внедрения стратегической дезинформации, были предприняты в КГБ. Один из них – исследование по использованию агентов влияния КГБ в советской интеллигенции (под которой в данном контексте понимались ученые, академики, писатели, музыканты, художники, актеры, режиссеры театра и кино, религиозные деятели); другой – по раскрытию государственных секретов в интересах политики.

Руководство Попова было фактически единственным современным текстом, посвященным стратегической дезинформации. Ленин не оставил после себя специального трактата на эту тему, хотя в его трудах есть разрозненные упоминания о ней; обман и двуличие были важнейшими элементами его политической техники. Важно отметить, что советские власти

---

¹¹ Рассказ автора о дезинформации основан на статьях Шелепина в секретном журнале КГБ «Чекист»; в руководстве Попова; и на беседах автора с Григоренко, Ситниковым, Келиным, Костенко и Смирновым из отдела дезинформации. Автор взял книгу Попова в библиотеке на том основании, что его работа по оценке документов в Информационном отделе КГБ требовала от него умения отличать подлинную информацию от дезинформации. Библиотекарь звонила ему дважды в день, чтобы спросить, когда он вернет книгу.

решили впервые опубликовать в период с 1960 по 1965 год, в пятом издании сочинений Ленина, некоторые его документы, относящиеся к периоду НЭПа и использованию дезинформации, в частности, его переписку с комиссаром иностранных дел Чичериным.

В одном из писем Ленин, комментируя проект заявления советской делегации на Генуэзской конференции, советовал Чичерину опустить упоминание о «неизбежном насильственном перевороте и применении кровавой борьбы», а также опустить слова «наша историческая концепция включает применение насильственных мер и безусловно предполагает неизбежность новых мировых войн». «Эти пугающие слова, – писал он, – не должны использоваться, потому что они будут служить интересам наших противников». ¹²

Чичерин с энтузиазмом откликнулся на идеи Ленина о дезинформации. Он писал ему 20 января 1922 года: «Если американцы будут настаивать на представительных учреждениях, то не думаете ли вы, что за солидную компенсацию мы можем обмануть их, сделав небольшую идеологическую уступку, которая не будет иметь никакого практического значения? Например, мы можем допустить присутствие трех представителей нерабочего класса в органе из 2 000 членов. Такой шаг можно представить американцам как представительное учреждение». ¹³

Ленин и Чичерин были не единственными источниками вдохновения для возрождения стратегической дезинформации. Древнекитайский трактат о стратегии и обмане «Искусство войны» Сунь-Цзы, переведенный на русский язык Н. И. Конрадом в 1950 году (вскоре после победы коммунистов в Китае), был переведен на немецкий язык в 1957 году советским ученым Ю. И. Сидоренко с предисловием советского стратега и военного историка генерала Разина. ¹⁴ Книга была опубликована в ГДР Министерством обороны ГДР и предписывалась для изучения в военных академиях ГДР. Новый перевод и другие исследования Сунь-цзы были опубликованы в Пекине в 1957 и 1958 годах и в Шанхае в 1959 году. Известно, что Мао находился под влиянием Сунь-цзы при ведении гражданской войны.

Такой интенсивный официальный интерес к Сунь-цзы со стороны как Советов, так и китайцев в то самое время, когда разрабатывалась новая политика и стратегия, является хорошим признаком того, что китайцы, вероятно, внесли положительный вклад в их разработку.

Стратегия укрепления коммунистического блока при создании видимости коммунистической разобщенности четко выражена в афоризмах Сунь-Цзы:

- Все военные действия основаны на обмане. Поэтому, когда способны, симулируйте неспособность; когда активны – бездействие.
- Предложите врагу приманку, чтобы заманить его; изобразите беспорядок и нанесите удар.
- Тот, кто хочет казаться слабым, чтобы сделать своего врага высокомерным, должен быть чрезвычайно сильным. Только тогда он сможет притвориться слабым.

Чтобы быть правдоподобным и эффективным, обман должен в максимально возможной степени соответствовать надеждам и ожиданиям тех, кого он призван обмануть. Поскольку коммунистическим стратегам было известно, особенно благодаря их знанию Бильдербергских документов ¹⁵, что Запад наполовину ожидает и горячо желает распада коммунистического блока, они могли предвидеть, что проецирование во внешний мир фиктивного распада блока будет выгодным при условии, что он всегда будет сопровождаться параллельным действитель-

¹² Сочинения Ленина, 5-е изд., т. 45, (Государственное издательство политической литературы, Москва), с. 63. Пятое издание было подготовлено Институтом марксизма-ленинизма и опубликовано ЦК КПСС в конце 1950-х – начале 1960-х годов.

¹³ Вопросы истории КПСС, № 4, (1962), р. 152.

¹⁴ Сунь-цзы, «Искусство войны», перевод. Сэмюэл Б. Гриффит (Oxford University Press, London, Oxford, and New York 1963), сс. 45-56, 66, 93, 183, 190, 191 (и переведенный здесь специально на русский язык – пер.).

¹⁵ См. главу 16.

ным, но частично скрытым осуществлением долгосрочной политики укрепления блока и изменения мирового баланса сил в свою пользу.

Как на практике этого можно было достичь? Изучение подлинного раскола между Тито и Сталиным в 1948 году показало, что далеко не все его последствия были негативными. Открытое неповиновение Сталину подняло престиж Тито в его собственной стране и во всем мире. Неподчинение Советскому Союзу позволило Югославии получить существенную экономическую и военную помощь со стороны Запада и приобрести зачатки политического влияния в странах третьего мира и в западноевропейских социалистических партиях. Более того, в 1957-58 годах Тито продемонстрировал, что, несмотря на поддержку Запада, которую он получил, он остается верным ленинцем, готовым работать от всей души с другими лидерами блока.¹⁶

Более отдаленным, но не менее поучительным прецедентом стала дальневосточная политика Ленина в 1920-х годах. Понимая, что Советской России будет не под силу защищать все свои границы одновременно, Ленин решил добровольно «пожертвовать» значительной территорией на Дальнем Востоке, создав в апреле 1920 года независимое «некоммунистическое» буферное государство – Дальневосточную республику (ДВР). Она была независимой и некоммунистической только по форме, ее политика с самого начала была тесно скоординирована с политикой Советской России. Тем не менее, ее существование, а также обещания экономических уступок, которые не были выполнены, ослабили давление со стороны японских и американских интересов в этом регионе, в то время как советская армия и Коминтерн укрепили свой потенциал для борьбы с угрозой со стороны белого русского эмигрантского движения в Монголии под руководством барона Унгерна. К ноябрю 1922 года советское влияние в регионе было достаточно сильным, чтобы «независимая» ДВР была открыто включена в состав Советского Союза в качестве его Дальневосточного региона (края).

Совместные уроки ДВР и раскола Тито-Сталина подсказали коммунистическим стратегам 1950-х годов, что надуманные расколы и независимость в коммунистическом мире могут быть использованы для ослабления давления Запада и получения большей западной экономической и даже военной помощи отдельным коммунистическим странам, в то время как мировой баланс сил незаметно смещается в пользу коммунистов.

К концу 1957 года были окончательно и решительно решены вопросы, которые вызывали реальные и потенциальные расколы в коммунистическом мире, главным образом сталинское вмешательство в дела других коммунистических государств. Было достигнуто общее соглашение об отказе от признанных Сталиным искажений ленинской доктрины. Советский Союз соблюдал условия соглашения на практике, например, полностью декларируя своих бывших агентов разведки в Китае и Восточной Европе.

Причины для истинных расколов были устранены, открылся путь для создания ложных расколов в соответствии с принципом политической профилактики Дзержинского, то есть предотвращения нежелательных событий (таких как раскол или рост оппозиционных движений) путем намеренного провоцирования и контроля таких событий с помощью секретных агентов, а также направления их в безвредное или положительно полезное для режима русло.

В 1957 году Хрущев продемонстрировал, как искажение сталинского вопроса может быть использовано в собственных интересах в борьбе за власть. Искусственное оживление мертвых вопросов, связанных со сталинизмом, было очевидным и логичным средством демонстрации убедительных, но надуманных различий между разными коммунистическими лидерами или партиями.

¹⁶ Между лидерами партии, вопросы были мертвы. Национализм все еще был очень жив в югославской коммунистической партии. Тито признал это в своих беседах с советскими лидерами в 1955 году и пообещал разобраться с этим. Однако он пояснил, что для его нейтрализации и искоренения потребуется время.

6 Доклад Шелепина и изменения в организации

ПРИНЯТИЕ НОВОЙ БЛОКОВОЙ ПОЛИТИКИ и стратегии дезинформации повлекло за собой организационные изменения в Советском Союзе и во всем блоке. В Советском Союзе, как и в других странах, это был Центральный комитет партии, который реорганизовал службы разведки и безопасности, министерство иностранных дел и другие подразделения партийно-государственного аппарата и массовых организаций таким образом, чтобы они могли проводить новую политику. В 1958 году и после него в аппарат ЦК было внесено несколько весьма существенных изменений. Был создан новый Отдел внешней политики, который курировал все государственные ведомства, занимающиеся иностранными делами, и координировал советскую внешнюю политику с политикой других коммунистических государств. Он находился под непосредственным контролем Хрущева.

Новая практика была принята в отношении назначения послов в другие коммунистические страны. Видные партийные чиновники, обычно члены Центрального комитета, выбирались для обеспечения надлежащей координации политики между партиями и правительствами.

Был введен еще один новый отдел ЦК – Отдел активных мероприятий. В его функции входила координация программы дезинформации блока и проведение специальных политических и дезинформационных операций в поддержку политики. Вначале отдел проводил секретные совещания для высокопоставленных чиновников Министерства иностранных дел, Комитета информации, служб безопасности и разведки. Для обслуживания интересов этого нового отдела было создано информационное агентство «Новости».

Важным изменением стал перевод в аппарат ЦК Комитета информации, который до этого подчинялся Министерству иностранных дел. Одной из его новых функций стала подготовка долгосрочных исследований и аналитических материалов для Центрального Комитета. Другой функцией было установление контактов с иностранными государственными деятелями и другими ведущими фигурами либо в их странах, либо во время их визитов в Советский Союз, и использование их для оказания влияния на правительства западных стран. Его руководителем был Георгий Жуков, бывший агент советской разведки, имевший множество контактов среди западных политиков, журналистов и деятелей культуры. Сам он был способным журналистом.

Пожалуй, самыми значительными изменениями стали назначения Миронова и Шелепина. Миронов возглавлял Ленинградское отделение КГБ. Находясь на этой должности, он изучал операцию «Трест», в которой Ленинградское ОГПУ принимало активное участие. Он был другом Брежнева и имел к нему свободный доступ. Шелепин был другом Миронова. Именно Миронов впервые обратил внимание Шелепина на роль ОГПУ в период НЭПа.

В 1958 году Миронов и Шелепин обсуждали с Хрущевым и Брежневым идею превращения КГБ из типичной тайной политической полиции, которой он был, в гибкое, сложное политическое оружие, способное играть эффективную роль в поддержке политики, как это делало ОГПУ во время НЭПа.

За это предложение они были вознаграждены должностями в аппарате ЦК. Шелепин стал заведующим отделом партийных органов, а затем председателем КГБ; Миронов – заведующим отделом административных органов.

Осенью 1958 года предложение Миронова и Шелепина обсуждалось в контексте деятельности КГБ и его руководителя генерала Серова на Президиуме ЦК. Серов выступил на Президиуме с докладом о работе КГБ в стране и за рубежом, и этот доклад стал объектом острой критики. Главным критиком был Шелепин. По его словам, КГБ при Серове стал очень эффективной полицейской организацией, которая, имея широкую сеть информаторов и агентств по всей стране, успешно выявляла и контролировала оппозиционные элементы среди насе-

ления, а также агентов западных спецслужб. Однако ей не удалось повлиять на взгляды населения в пользу режима или предотвратить развитие нежелательных политических тенденций как внутри страны, так и среди антикоммунистов за рубежом. Он высоко оценил недавние успехи КГБ в проникновении в секреты западных правительств, но сказал, что его роль была слишком пассивной и ограниченной, поскольку он не сделал ничего, чтобы помочь стратегической, политической, экономической и идеологической борьбе с капиталистическими державами.

Шелепин продолжил, что основная причина неудовлетворительной ситуации в КГБ заключалась в том, что он отошел от традиций и стиля ОГПУ, своего предшественника при Ленине. ОГПУ, хотя и неопытное, внесло больший вклад в реализацию политики, чем любой из его преемников. В качестве примеров того, что он имел в виду, он сослался на Евразийское движение, «Смену вех» и «Трест». В отличие от ОГПУ, КГБ выродился в пассивную, репрессивную организацию. Его методы были саморазрушительными, поскольку служили лишь для того, чтобы укрепить оппозицию и нанести ущерб престижу режима. КГБ не сотрудничал со службами безопасности других стран блока по политическим вопросам.

Шелепин высоко оценил идеи Миронова и сказал, что КГБ должен заниматься позитивной, творческой политической деятельностью под руководством партийного руководства. Новая, более важная роль должна быть отведена дезинформации. Советский Союз, как и другие коммунистические страны, обладал жизненно важными активами внутренней и внешней разведки, которые лежали в спящем состоянии, особенно в лице агентов КГБ среди советской интеллигенции.

Президиум решил рассмотреть новую роль КГБ на XXI съезде партии, который должен был состояться в январе-феврале 1959 года. Советская пресса в общих чертах подтвердила, что такое рассмотрение состоялось.

При Миронове Управление административных органов стало очень важным. Его функция заключалась в надзоре и координации работы ведомств, занимающихся внутренним порядком, таких как КГБ, МВД, прокуратура, Министерство юстиции и суды. Миронов был выбран для того, чтобы привить этим учреждениям стиль и методы Дзержинского, председателя ОГПУ в 1920-е годы.

Шелепин был назначен председателем КГБ в декабре 1958 года. В мае 1959 года в Москве состоялось совещание высших офицеров КГБ. На нем присутствовали Кириченко, представлявший Президиум, министры внутренних дел и обороны, члены ЦК и около двух тысяч сотрудников КГБ.

Шелепин доложил на совещании о новых политических задачах КГБ.¹⁷ Некоторые из наиболее конкретных пунктов его доклада были следующими:

«Главными врагами» Советского Союза были Соединенные Штаты, Великобритания, Франция, ФРГ, Япония и все страны НАТО и других поддерживаемых Западом военных союзов. (Это был первый случай, когда ФРГ, Япония и малые страны были так названы в документах КГБ).

Службы безопасности и разведки всего блока должны были быть мобилизованы для влияния на международные отношения в направлениях, требуемых новой долгосрочной политикой, и, по сути, для дестабилизации «главных врагов» и ослабления союзов между ними.

Усилия агентов КГБ в советской интеллигенции должны были быть перенаправлены на иностранцев, чтобы заручиться их помощью в достижении политических целей.

Вновь созданный отдел дезинформации должен был тесно сотрудничать со всеми другими соответствующими подразделениями партийного и государственного аппарата по всей стране. С этой целью все министерства Советского Союза и все первые секретари партийных

¹⁷ Автор читал и изучал доклад Шелепина в Институте КГБ, будучи его студентом.

организаций республик и областей, должны были быть ознакомлены с новыми политическими задачами КГБ, чтобы они могли оказать поддержку и помощь в случае необходимости.

Совместные политические операции должны были проводиться со службами безопасности и разведки всех коммунистических стран.

Доклад заканчивался заверением, что Президиум одобрил новые задачи КГБ, придает большое значение их выполнению и уверен, что сотрудники КГБ сделают все возможное для практической реализации директивы.

После совещания в КГБ был проведен ряд организационных изменений. Управление контрразведки было расширено. Его тремя основными задачами были: оказание влияния, передача дезинформации и вербовка агентов среди сотрудников посольств капиталистических стран и стран третьего мира в Москве, а также приезжих журналистов, бизнесменов, ученых и академиков; проведение профилактических политических операций по нейтрализации и последующему использованию внутренней политической оппозиции, особенно националистических, интеллектуальных и религиозных групп; проведение совместных политических операций со службами безопасности других коммунистических стран.

Отдел «Д»

Когда в январе 1959 года Шелепин создал новый отдел дезинформации – отдел «Д», он позаботился о том, чтобы его работа была скоординирована с другими службами дезинформации партийно-государственной машины: ЦК, Комитетом информации, отделом дезинформации в советской военной разведке и двумя новыми отделами «активистских методов» в КГБ (один обслуживал самого Шелепина, другой – управление контрразведки).

С самого начала отдел «Д» подчинялся аппарату ЦК, который определял его требования и задачи. Он отличался от других служб дезинформации тем, что для распространения дезинформации использовал собственные средства и специальные каналы, доступные только КГБ. К таким каналам относятся: секретные агенты внутри страны и за рубежом; агенты влияния за рубежом; проникновение в посольства и правительства западных стран; технические и другие секретные средства провоцирования соответствующих инцидентов или ситуаций в поддержку политики – например, инцидентов на границе, демонстраций протеста и так далее.

Отдел «Д» имел доступ к исполнительным органам власти и отделам ЦК, что позволяло ему готовить и проводить операции, требующие одобрения или поддержки партийного руководства или государственного аппарата. Наиболее тесные контакты с Центральным Комитетом поддерживали отдел административных органов Миронова, международный отдел Пономарева, отдел внешней политики и отдел активных мероприятий, а с советским правительством – Государственный комитет по науке и технике и плановые органы. Особенно тесное сотрудничество налажено между новым отделом и отделом дезинформации Службы военной разведки.

На должность начальника нового отдела было два опытных кандидата: полковник Федосеев, начальник факультета внешней разведки Института КГБ, специалист как по внутренним операциям КГБ, так и по использованию эмигрантских каналов для проникновения в американскую разведку, и полковник Агаянц, начальник факультета политической разведки Высшей разведывательной школы, специалист по Ближнему Востоку (в частности, Ирану) и Западной Европе (в частности, Франции). Шелепин выбрал Агаянца.

Новый отдел состоял на первых порах из пятидесяти-шестидесяти опытных сотрудников разведки и контрразведки. Под началом полковника Агаянца был полковник Григоренко, специалист по контрразведывательной работе внутри страны и эмиграционным операциям за рубежом. Он был советником венгерской службы безопасности с 1953 по 1955 год, а затем работал в управлении контрразведки в штабе в качестве начальника отдела, отвечавшего за

наблюдение за эмигрантами и репатриантами. Этот отдел был упразднен, когда Григоренко перешел в отдел «Д».

В отделе работали эксперты по НАТО, США, Германии, Франции, Японии и другим странам; по спецслужбам США; по трудящимся США, Европы, Азии, Африки и Латинской Америки; по ракетной технике, авиации и другим специализированным темам. Был специалист по Израилю, полковник Келин, который, будучи офицером службы безопасности, двадцать лет работал против евреев в Москве. Полковник Ситников был специалистом отдела по Германии, Австрии и НАТО. Полковник Костенко (который в 1960-х годах появился в Англии под дипломатическим прикрытием) был специалистом по авиации. Действительно, по составу отдела было ясно, что он преследовал как политические, так и военные цели.

В аппарате КГБ в ГДР также был создан отдел дезинформации из примерно двадцати сотрудников под руководством Литовкина, специалиста по проникновению в западногерманскую разведку.

7 Новая роль разведки

В ЦЕЛОМ, новые задачи блоковых спецслужб, в дополнение к их традиционным функциям по сбору разведанных и обеспечению безопасности, заключались в том, чтобы, во-первых, способствовать созданию благоприятных условий для реализации долгосрочной политики путем распространения стратегической дезинформации о расколе в блоке и в международном коммунистическом движении, в соответствии с моделью слабости и эволюции; во-вторых, непосредственно способствовать реализации политики и ее стратегий путем использования агентов влияния коммунистического блока и Запада; и в-третьих, способствовать изменению военного баланса сил в пользу коммунистов путем содействия ускорению военного и экономического развития блока через сбор научно-технической разведки на Западе и подрыву западных военных программ.

Если брать в первую очередь последнюю из этих задач, то в 1959 году советские чиновники считали, что коммунистический блок отстает от Соединенных Штатов на десять-пятнадцать лет, например, в области военной электроники. Используя разведывательный потенциал блока, можно было надеяться сократить это отставание в течение пяти лет.¹⁸ И наоборот, используя дезинформационный потенциал служб безопасности и разведки блока, можно было, по словам Шелепина, запутать и дезориентировать западные военные программы и направить их в бесполезные, расточительные и экстравагантные сферы расходов. С этой целью отдел «Д» вместе с Центральным комитетом участвовал в подготовке советских ученых к работе на различных международных конференциях, где они имели контакты с иностранными учеными.

Некоторые другие операции отдела «Д» были известны автору в общих чертах на их ранних стадиях.

Планировалась операция по оказанию влияния на правительство Франции, чтобы оно вышло из НАТО. Советские эксперты уже в 1959-60 годах были убеждены, что для этого можно использовать «противоречия» между США и Францией.¹⁹

Готовился долгосрочный план по дискредитации антикоммунистических американских рабочих лидеров и оказанию влияния на них с целью изменить их отношение к контактам с коммунистическими профсоюзами.

Также существовал план под названием «Действия против американских учреждений», в частности ЦРУ и ФБР, подробности которого автору не известны.

Операция, проведенная вскоре после создания отдела «Д», была направлена на то, чтобы помочь изолировать ФРГ от НАТО и западного сообщества. Эксперты по еврейским делам в отделе «Д» подготовили для своих агентов многочисленные письма для отправки родственникам в Израиль и другие страны, которые должны были вызвать враждебное отношение к ФРГ и создать неверное впечатление о политических событиях в Советском Союзе.

Наибольшее долгосрочное значение имел приказ Шелепина, отданный Агаянцу в конце 1959 года, о сотрудничестве с Отделом активных мероприятий ЦК и с албанскими и югославскими представителями в дезинформационной операции, связанной с новой долгосрочной политикой и касающейся советско-югославско-албанских отношений.

Ряд других отражений принятия новой политики и возрождения дезинформации попали в поле зрения автора в ходе его работы в советской разведке.

В начале 1959 года секретное письмо партии предостерегало членов партии от разглашения государственных и партийных секретов.

---

¹⁸ Материал, основанный на секретной лекции, прочитанной сотрудникам КГБ заместителем министра обороны СССР, отвечавшим за научно – технические исследования и разработки.

¹⁹ Информация, предоставленная французским властям в 1962-63 гг.

Подлинные, потенциальные западные источники информации о новой политике были подавлены. Например, КГБ арестовал ценного американского агента в Советском Союзе, подполковника ГРУ Попова.

Другие потенциальные возможности для Запада получить информацию о политике были закрыты: например, была издана специальная инструкция для сотрудников КГБ усилить вербовку, компрометацию и дискредитацию западных ученых и экспертов по коммунистическим вопросам, посещающих коммунистические страны.

Сотрудникам КГБ было дано указание сообщать подробности в дезинформационный отдел все имеющиеся у них источники и каналы разведки, чтобы при необходимости использовать их в целях дезинформации.

Были спланированы и созданы новые каналы для подачи дезинформации на Запад. В этом контексте заслуживают упоминания три момента. Отдел «Д» проявил большой интерес к использованию двух специальных французских источников, принадлежащих советской контрразведке: они попросили перевести контролирующего сотрудника Окулова в отдел «Д». Существуют серьезные, нерешенные свидетельства того, что полковник Пеньковский был подброшен КГБ на западную разведку. В американской прессе появилась информация о том, что важный источник ФБР по советским делам, известный как «Федора», находился под советским контролем во время сотрудничества с ФБР в 1960-х годах.²⁰

Отдел Второго главного управления КГБ, возглавляемый полковником Норманом Бородиным и отвечавший за вербовку и работу с агентами среди иностранных корреспондентов в Советском Союзе, был расформирован, чтобы избежать создания центрального пула агентов, занимающих подозрительно схожую линию. Агенты были переданы в соответствующие географические отделы КГБ для обеспечения того, чтобы их дезинформационная деятельность была тесно связана с конкретной ситуацией в каждой стране или районе.

Два бывших резидента гитлеровской службы безопасности со своими агентурными сетями в Украине, которые находились под контролем КГБ, были подготовлены для насаждения на западногерманскую разведку.

В 1959 году начальник советской контрразведки генерал Грибанов дал указание своим сотрудникам подготовить операции по воздействию на послов западных стран в Москве в соответствии с требованиями новой политики. Западные разведки и службы безопасности – в частности, французская – имели повод расследовать деятельность Грибанова против своих послов. Грибанов также поручил членам своего штаба, выдавая себя за высокопоставленных чиновников различных советских правительственных ведомств, установить личные контакты с послами в Москве всех развивающихся стран и оказывать на них политическое влияние.

В 1960 году КГБ в Москве издал секретную директиву для представителей иностранных разведывательных служб и служб внутренней безопасности относительно влияния иностранных гостей в Советском Союзе, особенно на политиков и ученых; были предприняты усилия по использованию, вербовке и дискредитации антикоммунистических политиков, журналистов, ученых, и аналитиков коммунистических дел во время их визитов в коммунистические

---

²⁰ См. статью Henry Hurt в октябрьском номере «Reader's Digest» за 1981 год, которую независимо поддержал George Lardner, Jr в своей статье в «Washington Post» от 3 сентября 1981 года. По словам Хёрта, ФБР повторно рассмотрело дело Федоры, касающееся сотрудника КГБ которого ФБР считало своим надежным агентом с 1962 года и чья информация передавалась в Белый дом. ФБР пришло к выводу, что Федора находился под контролем Москвы в годы его сотрудничества с ФБР. Если это верно, то это подтверждает, что Советы активно создавали новые каналы для дезинформации в начале 1960-х годов, и правительство США обязано перед общественностью выпустить официальный документ о деятельности этого советского завода и дезинформации, которую он предоставлял. Такая публикация стала бы революционным вкладом в просвещение западных ученых и журналистов по коммунистическим вопросам, а также широкой общественности по малоизвестной теме коммунистической стратегической дезинформации. Она должна пролить свет на конкретные темы советской дезинформации, особенно на внутриблочные отношения, и проиллюстрировать, как такая дезинформация формировала или влияла на отношение и решения США в тот период.

страны. Например, была предпринята попытка дискредитировать видного американского ученого, профессора Баргхорна, путем преследования его в Москве в 1963 году. Почти каждая западная служба безопасности накопила доказательства по этому вопросу.

Особая форма контроля над советской прессой была установлена аппаратом ЦК для того, чтобы пресса могла использоваться ЦК и КГБ в целях дезинформации. Например, КГБ снабжал Аджубея, главного редактора «Известий», «спорными» материалами о внутреннем положении в Советском Союзе.

Были задействованы ресурсы КГБ национальных республик; например, только в 1957-58 годах КГБ Украины представил на утверждение Москвы 180 оперативных предложений по вербовке или внедрению агентов к иностранцам внутри или за пределами Советского Союза.

Были предприняты прямые попытки оказать политическое влияние за рубежом. Резидентам КГБ в Финляндии, Италии и Франции были даны указания усилить и использовать в своих целях проникновение в руководство социалистических и других политических партий с целью добиться изменений в руководстве и политике этих партий в соответствии с требованиями политики блока.²¹

В Финляндии в 1961 году резидент КГБ Женихов разрабатывал план по устранению с политической сцены ведущих антикоммунистических лидеров финской социал-демократической партии, таких как Таннер и Лескинен, и замене их советскими агентами.²²

В руководство социал-демократической партии Швеции был внедрен агент КГБ.

Убийства не исключались в отношении антикоммунистов, которые представляли собой препятствие для успешной реализации политики блока. Например, в 1959 году КГБ тайно убил в ФРГ лидера украинских националистов Степана Бандеру. Об этом стало известно благодаря разоблачениям бывшего советского агента Сташинского, который убил Бандеру по приказу Шелепина.

Список можно было бы расширить. Но уже сказано достаточно, чтобы показать, что весь советский разведывательный потенциал был использован для проведения операций в поддержку первого этапа новой долгосрочной политики блока; то же самое можно сказать и о разведывательном потенциале других стран коммунистического блока.

Поскольку даже профессиональные аналитики на Западе не всегда четко представляют себе, во что может вылиться разведывательный потенциал коммунистического блока в действии с точки зрения осуществления благоприятного для блока влияния, желательно на данном этапе привести хотя бы несколько теоретических примеров.

Предположим, например, что конкретная некоммунистическая страна становится объектом разведывательного потенциала блока. Это означало бы, что все сотрудники разведки и контрразведки всех коммунистических стран проанализируют все свои разведывательные активы и сделают предложения о том, что можно сделать для оказания политического влияния на правительство страны, ее политику и дипломатию, политические партии, отдельных лидеров, прессу и так далее. Это означало бы, что весь персонал разведки стран блока, находящийся под дипломатическим или другим официальным прикрытием в соответствующей стране, который может насчитывать несколько сотен высококвалифицированных профессионалов плюс несколько сотен секретных агентов из числа граждан страны, будет направлен на работу различными способами для достижения одной цели в соответствии с одним планом. Агенты должны были не только получать информацию, но и предпринимать определенные действия или оказывать влияние там и тогда, где и когда этого требовал план. Их совокупная

---

²¹ Материал, основанный на секретных инструкциях, данных в 1959-1961 годах руководителем советской разведки резидентам разведки в этих странах.

²² Рассказано автору самим Жениховым.

способность влиять на правительство, прессу и общественное мнение вполне может быть значительной.

То же самое можно было бы сказать, если бы объектом исследования была группа некоммунистических стран; или конкретная проблема, например, оборонная программа некоммунистической страны; или особое отношение Запада к коммунистическому блоку или одному из его членов; или мировое общественное мнение о конкретной политике; или такие вопросы, как война во Вьетнаме, предполагаемый западногерманский реваншизм или ситуация на Ближнем Востоке.

В своей речи 6 января 1961 года Хрущев, упомянув о том, что «диктатура рабочего класса вышла за пределы одной страны и стала международной силой», заявил, что «в современных условиях социализм в состоянии все в большей степени определять характер, методы и тенденции международных отношений». Именно переориентация аппарата ЦК, массовых организаций, дипломатических, разведывательных и спецслужб блока обеспечила Хрущеву и его союзникам средства для изменения характера и методов международных отношений.

Некоторые элементы новой политики блока, такие как проведение экономических реформ в промышленности и сельском хозяйстве Советского Союза и других коммунистических государств, или акцент на мирном сосуществовании, разоружении и улучшении дипломатических, торговых и других отношений с некоммунистическими странами – все это напоминало период НЭПа и само по себе было средством искажения намерений блока и влияния на некоммунистический мир на первом этапе политики. Еще более значительными, и опять же напоминающими период НЭПа, были разительные изменения в стиле, количестве и качестве информации, раскрываемой коммунистическим миром о себе. Эти изменения отразились в более широком доступе иностранных гостей в Советский Союз и большинство стран Восточной Европы. Они совпали по времени с докладом Шелепина и интенсивной подготовкой программы операций по политической дезинформации. Совпадение по времени помогает объяснить эти изменения.

8 Источники информации

В ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВАХ было подробно описано, как программа, стратегия, организация и оперативная философия в центре международного коммунизма развивались в период с 1957 по 1960 год. Как случилось, что западный мир почти полностью не смог обнаружить эти изменения и оценить их значение? Чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо начать с изучения источников информации, доступных для западной аналитики.

Западные источники

Основными западными источниками информации о коммунистических странах являются:

- Секретные агенты западных спецслужб.
- Перехват и расшифровка коммунистических сообщений.
- Наблюдение за коммунистическими посольствами и официальными лицами в некоммунистических странах.
- Фотографические и другие наблюдения за промышленными объектами, ракетными площадками, передвижением войск и т.д. с западных самолетов и спутников, пролетающих над коммунистической территорией.
- Мониторинг ядерных и ракетных испытаний с помощью технических устройств.
- Личные наблюдения западных дипломатов, журналистов и визитеров в коммунистических странах.
- Неофициальные контакты в этих странах западных дипломатов, журналистов и других посетителей.
- Ученые, занимающиеся вопросами коммунизма.
- «Внутренние эмигранты» или доброжелатели в коммунистических государствах.
- Беженцы из коммунистических стран и партий и, в частности, бывшие чиновники и агенты их спецслужб.

Эти источники различаются по своей значимости и надежности, по степени доступа, который они предоставляют, и по тому, как их нужно толковать.

Поскольку коммунистические общества являются закрытыми обществами, а цели их правительств агрессивны, Западу жизненно необходимо иметь энергичные, здоровые и эффективные разведывательные службы, способные получать надежную секретную информацию стратегического характера о внутренних делах и внешней политике коммунистических стран, об их отношениях друг с другом и об их отношениях с коммунистическими партиями за пределами блока. Тайные агенты западных спецслужб потенциально являются наиболее ценными источниками информации, при условии, что они действуют добросовестно и имеют доступ к информации на директивном уровне. Проблема в том, что западные спецслужбы иногда принимают провокаторов за настоящих агентов, а провокаторы являются излюбленным каналом для передачи коммунистической дезинформации.

Перехват и расшифровка сообщений могут дать ценную информацию при условии, что всегда следует помнить о возможности дезинформации и правильно ее оценивать.

Аналогичным образом, наблюдение за коммунистическими посольствами и официальными лицами может быть ценным, но следует помнить, что методы, используемые западными контрразведками и службами безопасности, хорошо известны и в большинстве случаев могут быть преобразованы коммунистическим блоком в каналы для дезинформации.

Технический мониторинг ядерных и ракетных испытаний и различные формы воздушной разведки ценны, но не могут рассматриваться как самодостаточные. В силу своих ограни-

чений, информация, которую они предоставляют, всегда должна оцениваться в сочетании с информацией из других источников. Все методы имеют свои индивидуальные ограничения. Общее ограничение, которое они все разделяют, заключается в том, что, даже если они предоставляют точную информацию о том, что присутствует и что происходит в конкретной местности, они не могут ответить на вопросы о том, почему это присутствует или происходит, кто несет ответственность и каковы их реальные намерения. Например, на основании только этих источников невозможно сказать, является ли наличие скоплений войск на китайско-советской границе свидетельством подлинной враждебности между двумя странами или свидетельством совместного намерения советского и китайского руководства в целях стратегической дезинформации создать впечатление, что между ними существует вражда.

Личные наблюдения иностранных дипломатов, журналистов и других посетителей коммунистических стран имеют ограниченную ценность из-за контроля над их поездками и контактами. Не следует переоценивать ценность информации, полученной в результате неофициальных контактов, поскольку существует вероятность того, что эти контакты, какими бы критичными для режима они ни были, контролируются службами безопасности. Учитывая масштабы деятельности коммунистических служб безопасности, невозможно, чтобы гражданин коммунистической страны оставался в течение какого-либо времени в несанкционированном контакте с иностранцем. Расследования, столь популярные на Западе, невозможны в коммунистических странах без хотя бы молчаливого сотрудничества со стороны органов безопасности.

Западные ученые могут быть чрезвычайно ценными аналитиками при условии, что им предоставляется точная информация. Их ценность как источников не всегда велика, поскольку их визиты в коммунистические страны не обязательно дают им доступ к внутренней информации, и они, как и другие посетители, могут быть введены в заблуждение преднамеренной коммунистической дезинформацией. Их визиты также могут быть опасными.

«Внутренние эмигранты», или доброжелатели, – это граждане коммунистических стран, которые по политическим или другим причинам обращаются к иностранным дипломатам или гостям или пытаются проникнуть в западные посольства с предложением секретной информации. Они могут быть ценными источниками, но проблема в том, что на их пути стоит множество препятствий. Например, советская служба безопасности практиковала провокационный метод, при котором любого доброжелателя, пытавшегося установить контакт по телефону с американским или британским посольством в Москве, соединяли со специально обученными сотрудниками службы безопасности. Они выдавали себя за сотрудников американского или британского посольств и договаривались о встрече с доброжелателем за пределами посольства с предсказуемыми последствиями для доброжелателя. Многие доброжелатели пытались связаться с посольствами западных стран, но лишь немногим это удавалось. Даже если им это удавалось, посольства не всегда доверяли им, поскольку советские службы безопасности намеренно дискредитировали этот тип людей, посылая в посольства собственных провокаторов под видом доброжелателей.

Опыт прошлого показывает, что наиболее ценную информацию предоставляли беженцы и перебежчики из коммунистических стран и коммунистических партий. Наиболее информативными были те, кто занимал руководящие должности, такие как Троцкий, Уралов и Кравченко, или те, кто работал в организациях, где проводилась политика, таких как разведка и служба безопасности (Агабеков, Волков, Дерябин, Петровы, Растворов, Хохлов и Святло), военная разведка (Кривицкий, Рейсс, Гузенко, Ахмедов), дипломатическая служба (Бармин, Казначеев) или вооруженные силы (Токаев). Важная информация была раскрыта югославскими лидерами во время советско-югославского раскола с 1948 по 1956 год. Ценную информацию также предоставили бывшие ведущие коммунисты или агенты коммунистов, такие как Суварин, Джей Лавстоун, Боркенау, Чамберс и Бентли.

Ценность информации из таких источников зависит, конечно, от степени их доступа к информации, а также от их образования, опыта, честности, степени эмоциональности и полноты их разрыва с коммунизмом. Разоблачения Троцкого имели ограниченную ценность, поскольку он порвал не с коммунизмом, а со Сталиным. То же самое можно сказать и о югославских лидерах. На некоторую информацию о беженцах влияет эмоциональность. В период холодной войны часть литературы о коммунизме, опубликованной на Западе, была искажена по пропагандистским соображениям и может быть использована только с осторожностью.

Прежде всего, ценность информации, полученной от перебежчиков и беженцев, зависит от их добросовестности, поскольку обычной практикой коммунистических служб безопасности и разведки является отправка провокаторов за границу под этим прикрытием, чтобы действовать в качестве каналов дезинформации.

Коммунистические источники

Коммунистические источники должны рассматриваться как отдельная категория. Их можно разделить на официальные, неофициальные и «секретные» коммунистические источники. К официальным относятся:

- Опубликованные отчеты международных совещаний коммунистических правительств и коммунистических партий внутри и вне блока.
- Публичная деятельность и решения партий, правительств и министерств отдельных коммунистических стран.
- Публичная деятельность и выступления коммунистических лидеров и других официальных лиц.
- Коммунистическая пресса: книги, периодические издания и другие публикации.
- Официальные коммунистические контакты иностранных дипломатов, журналистов и других посетителей.
- Общественная деятельность и решения коммунистических партий в некоммунистических странах.

Неофициальными коммунистическими источниками являются:

- Неофициальные выступления и комментарии коммунистических лидеров и официальных лиц, сделанные не под запись.
- Неофициальные контакты в коммунистических странах иностранных дипломатов, журналистов и других посетителей.
- Настенные плакаты в Китае и подпольные издания в других коммунистических странах, такие как самиздат в Советском Союзе.
- Книги коммунистических ученых.

«Секретные» коммунистические источники – это случайные, часто ретроспективные, утечки или раскрытия коммунистической стороной, иногда в документальной форме, информации, которая ранее считалась секретной. Они часто связаны с полемикой между членами коммунистического блока и могут охватывать:

- Секретную деятельность, обсуждения и решения руководящих органов блока.
- Секретную деятельность, обсуждения и решения партий, правительств и министерств отдельных коммунистических стран.
- Тайную деятельность и выступления коммунистических лидеров и чиновников.
- Секретные документы партии и правительства, особенно партийные циркуляры для рядовых членов.

Анализ информации из коммунистических источников

Не следует игнорировать или переоценивать возможности получения достоверной информации о коммунистическом мире из коммунистических источников. Очевидно, что не все материалы, которые появляются в коммунистической прессе, являются ложными или искаженными в целях пропаганды или дезинформации. Хотя и то, и другое присутствует в значительной степени, коммунистическая пресса также отражает, в значительной степени точно, сложную жизнь и деятельность коммунистического общества. Партия и население информируются через прессу о важных решениях и событиях партии и правительства; они также мобилизуются и направляются через прессу на выполнение этих решений.

По этим причинам изучение коммунистической прессы важно для Запада. Но проблема для западных аналитиков заключается в том, чтобы отличить фактическую информацию от пропаганды и дезинформации, которые можно найти в прессе. Здесь мешают определенные западные склонности: склонность рассматривать определенные коммунистические проблемы как отражение вечных, неизменных мировых проблем; склонность считать, что изменения в коммунистическом обществе происходят спонтанно; склонность толковать события в коммунистическом мире на основе опыта, понятий и терминологии западных систем.

Несомненно, в коммунистической политике действуют вечные и универсальные элементы (у Сталина действительно было что-то общее с другими тиранами, которые не были коммунистами). Некоторые события в коммунистическом мире происходят спонтанно (примером может служить венгерское восстание), и есть некоторые сходства между развитием событий в коммунистическом и некоммунистическом мире. Важнее отметить, что в коммунистическом движении и его режимах существует определенная идеологическая, политическая и оперативная преемственность, специфические элементы которой не следует упускать из виду или игнорировать. Существует более или менее постоянный набор факторов, отражающих суть коммунизма и отличающих его от любой другой социальной или политической системы, и есть определенные постоянные проблемы, с которыми коммунисты справляются с разной степенью неудачи и успеха. Этими факторами и проблемами являются, например, классовая идеология, национализм, внутриблоковые и межпартийные отношения, интернационализм, ревизионизм, борьба за власть, преемственность в руководстве, чистки, политика в отношении Запада, тактика партии, природа кризисов и неудач в коммунистическом мире, а также решения или корректировки, которые применяются к ним. Упускать из виду то, что является специфически коммунистическим в содержании и решении всех этих проблем, значит впасть в ошибку. Например, попытка объяснить чистки 1930-х годов с точки зрения психологического склада Сталина было бы поверхностным. Не менее ошибочным был бы анализ в западных терминах национализма, который, несомненно, существует в коммунистическом мире.

Даже те западные эксперты, которые признают специфическую природу и преемственность коммунистических режимов и преодолели три вышеупомянутые тенденции, часто проявляют четвертую тенденцию, которая заключается в применении стереотипов сталинского периода к последующим событиям в коммунистическом мире, тем самым не принимая во внимание возможность перенастройки коммунистических режимов и принятия более рационального подхода к постоянным проблемам, стоящим перед ними. Исторически сложилось так, что коммунистическая идеология и практика показали свою способность к гибкости и успешной адаптации к обстоятельствам: НЭП Ленина является хорошим примером. В коммунистической системе присутствуют и преемственность, и изменения; и то, и другое отражается в коммунистической прессе.

Поэтому анализ коммунистической прессы важен для понимания коммунистического мира, но только если он сделан правильно. Знание коммунистической истории и понимание

постоянных факторов и проблем, а также способов их решения в различные исторические периоды является необходимым. Также необходимо понимание роли и характера коммунистической дезинформации в тот или иной период и ее влияния на достоверность и надежность источников – а этого до сих пор почти не хватало на Западе.

9 Уязвимость западных оценок

УЧИТЫВАЯ, ЧТО КОММУНИСТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ ЗАНИМАЮТСЯ ДЕЗИНФОРМАЦИЕЙ в мирное время в масштабах, не имеющих аналогов на Западе, очень важно определить модель дезинформации, которой следуют западные исследования и оценки, чтобы избежать серьезных ошибок. Как только модель будет установлена, она обеспечит критерии для различия надежных от ненадежных источников и подлинную информацию от дезинформации. Определить закономерность сложно, если это не невозможно, если нет надежной внутренней информации.

Здесь следует отметить различие между коммунистическими и западными источниками. Все коммунистические источники постоянно доступны как естественные каналы для коммунистической дезинформации. Западные источники в целом менее доступны как каналы, но могут стать таковыми в той или иной степени в зависимости от того, известно или нет их существование коммунистической стороне. С коммунистическими источниками проблема заключается в том, чтобы обнаружить, как они используются для дезинформации. С западными источниками проблема двоякая: определить, были ли они скомпрометированы коммунистической стороной, и если да, то используются ли они в целях дезинформации.

Поскольку западные источники в целом менее уязвимы, чем коммунистические, для эксплуатации в целях дезинформации, они, как правило, считаются более надежными, чем коммунистические, которые полностью открыты для эксплуатации. Однако, если западные источники скомпрометированы (и особенно если Запад не знает или не хочет признавать, что они были скомпрометированы), они могут стать ненадежными и даже опасными. И наоборот, если известна модель дезинформации и используется адекватный метод анализа, даже коммунистические источники могут выявить надежную и значимую информацию.

Идеальная ситуация для Запада – это когда его спецслужбы имеют надежные источники информации на уровне принятия решений, когда Запад применяет адекватные методы анализа к коммунистическим источникам и когда известна модель коммунистической дезинформации. Эти три фактора влияют друг на друга к взаимной выгоде. Внутренние источники предоставляют информацию, влияющую на адекватность западного анализа; они также помогают определить модель дезинформации и своевременно предупредить о любых изменениях в ней. Установленная модель дезинформации и правильный анализ коммунистических источников вместе ведут к точной оценке западных секретных источников и выявлению среди них запятнанных.

Однако проблема заключается в том, что эффективность западных разведывательных служб нельзя считать само собой разумеющейся. Помимо общих препятствий для получения надежной внутренней информации высокого уровня о коммунистическом мире, существуют особые риски компрометации надежных источников в результате их собственных ошибок или проникновения коммунистов в западные спецслужбы. Некоторые западные источники – например, подслушивающие устройства – могут быть обнаружены и использованы коммунистической стороной в целях дезинформации без проникновения в соответствующие западные службы. Но основным фактором, который нанес ущерб эффективности западных служб, было проникновение в них коммунистических оппонентов; что скомпрометировало западные источники и позволило коммунистической стороне использовать их в качестве каналов для дезинформации.

Если западные разведывательные службы теряют свою эффективность и сами становятся каналами для коммунистической дезинформации, это, в свою очередь, наносит ущерб западному анализу коммунистических источников и приводит к неспособности обнаружить модель коммунистической дезинформации и любые изменения в ней. Когда все три фактора – способность Запада получать секретную информацию, способность Запада толковать ком-

мунистические источники и способность Запада понимать дезинформацию – сами подвергаются негативному влиянию последствий проникновения и дезинформации, тогда весь процесс оценки Запада становится неэффективным, а реальные проблемы и реальные изменения в коммунистическом мире невозможно отличить от выдуманных и обманчивых. Сомнительная информация из официальных, неофициальных или «секретных» коммунистических источников подтверждает или подтверждена дезинформацией, поступающей через скомпрометированные западные секретные источники. Информация, намеренно сливаемая коммунистической стороной, принимается Западом как достоверная. Подлинная информация, случайно полученная Западом, может быть поставлена под сомнение или отвергнута. Таким образом, ошибки в западных оценках становятся не только серьезными, но и необратимыми, если и пока не будет правильно установлена модель дезинформации. Критическое состояние процесса оценки на Западе тем серьезнее, что оно не признается и не диагностируется. Если западные оценки коммунистического мира ошибочны, то за этим последуют просчеты и ошибки в политике Запада. Эти просчеты и ошибки будут использованы коммунистической стороной в своих интересах. Когда это происходит и ошибки Запада признаются общественностью, политики, дипломаты и ученые, связанные с этими ошибками, дискредитируются, и создается основа для возникновения экстремистских течений. Очевидным примером является подъем маккартизма в США после провала американской послевоенной политики в Восточной Европе и Китае.

Последствия различных форм дезинформации

Характер просчетов Запада в значительной степени зависит от модели коммунистической дезинформации. Во время кризиса коммунистической системы, когда используется фасадно-силовая модель дезинформации, Запад путается в реальной ситуации в коммунистических странах и не воспринимает слабость их режимов. Убедительный, но надуманный фасад монолитного единства строится вокруг реальных взрывоопасных реалий коммунистического мира. Как бы ни был надуман этот фасад, западные наблюдатели и даже правительства могут принять его за чистую монету. Их переоценка силы и сплоченности кажущегося монолита мешает им предпринять надлежащие шаги для использования реального кризиса в коммунистическом мире.

Кризис в блоке, 1949-56 гг.

Несомненно, на Западе существовало определенное осознание трудностей в коммунистическом мире в годы, непосредственно предшествовавшие и последовавшие за смертью Сталина. Но фасадная и силовая дезинформация успешно скрывала существование подлинных китайско-советских разногласий между 1950 и 1953 годами; она также скрывала остроту революционной ситуации в Восточной Европе. Если бы глубина кризиса там была более полно осознана на Западе, можно было бы ожидать более активной и полезной реакции Запада на события в Польше и Венгрии; возможно, часть или вся Восточная Европа была бы полностью освобождена.

В ходе реализации долгосрочной политики используется слабая и эволюционная модель дезинформации. Запад снова вводится в заблуждение относительно реальной силы коммунистических режимов и, на этот раз, относительно их политики. Создается убедительная картина упадка идеологии и появления конкурирующих национальных образований в коммунистическом мире. Хотя эта картина ложна и сознательно проецируется коммунистическими режимами, она может быть принята Западом за чистую монету как точное отражение спонтанно происходящих политических событий. На этой основе Запад склонен недооценивать силу и сплоченность коммунистического мира и не замечать необходимости принятия надлежащих

оборонительных мер. Более того, его можно ввести в заблуждение, заставляя предпринимать наступательные шаги, которые непреднамеренно служат целям коммунистической политики и предоставляют возможности для будущей эксплуатации коммунистической стороной в ущерб Западу.

Из двух моделей дезинформации, вторая потенциально имеет более серьезные последствия для Запада, поскольку в случае успешного применения она может негативно повлиять на наступательные и оборонительные меры Запада; первая же препятствует только наступательным мерам Запада и служит для укрепления его обороны.

Вторая мировая война

Во время Второй мировой войны советскому экспансионизму помогала дезинформация. Ни в коей мере не ставя под сомнение необходимость антифашистского союза между Советским Союзом и западными союзниками в военное время, правомерно отметить, что этот союз был успешно использован Советским Союзом для достижения своих собственных политических целей. Существует возможность для подробного исторического исследования методов и каналов, использованных советским режимом для влияния и дезинформации американского и британского правительств до Тегеранской и Ялтинской конференций о реальной природе советского режима и его намерениях. Американские и британские архивы должны дать дополнительную информацию о влиянии советских агентов в Госдепартаменте США и МИД Великобритании, таких как Дональд Маклин и Гай Берджесс.²³ Между тем, можно сделать несколько замечаний, иллюстрирующих использование тем упадка идеологии, роста националистического влияния, а также разобщенности и отсутствия сотрудничества между коммунистическими партиями.

В период военного союза идеологическая критика США и Великобритании практически исчезла из советской прессы. Революционная идеология, хотя и не была полностью оставлена, была смягчена. Прославлялись старые русские традиции; в Красной Армии были восстановлены бывшие царские звания и награды. Было проявлено новое уважение к религии; в 1943 году Сталин провел публичную аудиенцию для лидеров русской церкви. Были подчеркнуты общие опасности, стоящие перед Советским Союзом и Западом, и их общая заинтересованность в выживании, а также описана основа для будущего сотрудничества. Западным государственным деятелям и дипломатам говорили, что послевоенная либерализация советского режима и его превращение в национальное государство западного типа неизбежны; им даже льстила мысль, что эти изменения произойдут под влиянием Запада. Принятие Советским Союзом Атлантической хартии в 1941 году и подписание Пакта Объединенных Наций 1 января 1942 года следует рассматривать как часть усилий, направленных на повышение ожиданий Запада относительно благоприятного развития событий в Советском Союзе. Но самым ярким и значительным обманом, призванным скрыть продолжающееся активное сотрудничество между коммунистическими партиями и убедить западных союзников в том, что революционные цели были оставлены, стал роспуск Коминтерна в мае 1943 года, за шесть месяцев до Тегеранской конференции. С этим обманом были связаны темы о том, что Советский Союз и Красная Армия сражаются только за освобождение Восточной Европы от фашизма и не думают об установлении коммунистических режимов в этом регионе.

---

²³ Некоторые подробности по этому вопросу можно найти в «Interlocking Subversion in Government Departments,» the Report of the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act and other Internal Security Laws to the Committee on the Judiciary of the US Senate, 83rd Cong., 1st sess., July 30, 1953.

10 Успехи коммунистической разведки, провалы Запада и кризис западных исследований

СЕГОДНЯ, усилия Запада по получению секретной политической информации о коммунистическом мире, попытки Запада анализировать информацию из коммунистических источников, способности Запада различать надежные и ненадежные источники – между подлинной информацией и дезинформацией – все, похоже, страдают, по крайней мере, от временной потери эффективности. Такое положение дел является симптомом проникновения в западные разведывательные службы своих коммунистических противников.

Западная разведка не всегда была безуспешной. Во время послесталинского кризиса коммунистическая разведка и службы безопасности были слабы. Больше людей были настроены помогать Западу; в 1954 году дезертировали пять сотрудников советской разведки. Хотя Запад так и не смог полностью раскрыть степень проникновения коммунистической разведки в свои правительства и общества, западная разведка все же имела некоторые надежные источники с доступом к директивным органам в коммунистических странах. Но по мере того, как коммунистический мир выходил из кризиса, его разведка и службы безопасности восстанавливали свою силу и эффективность. Усилия по проникновению в западные правительства в целом и западные разведки и службы безопасности в частности, которые не прекращались с 1917 года, были успешно активизированы. Здесь не место для детального изучения проблемы; тем не менее, необходимо привести несколько примеров, иллюстрирующих аргументацию.

Из своей службы в отделе НАТО Информационного управления Первого главного управления КГБ в 1959-60 годах, автор знает, что в то время советские и блоковые спецслужбы имели агентов в министерствах иностранных дел большинства стран НАТО, не говоря уже о министерствах многих стран, не входящих в НАТО. Это означало, что советские лидеры и их партнеры были почти так же хорошо информированы о внешней политике западных правительств, как и сами эти правительства.

Симптомами глубины и масштаба проникновения стали дела бывшего чиновника британского Адмиралтейства Вассалла; бывшего шведского военного атташе в Советском Союзе, а затем в США полковника Веннерстрема; бывшего высокопоставленного сотрудника штаб-квартиры НАТО в Париже полковника Пака; а также сорока скрытых микрофонов, запоздало обнаруженных в американском посольстве в Москве в 1964 году.

Имеются также поразительные публичные свидетельства проникновения коммунистов в западные спецслужбы. Британским службам безопасности и разведки, старейшим и наиболее опытным на Западе, был нанесен серьезный ущерб Блантом, Филби, Блейком и другими, которые работали на советскую разведку внутри них в течение многих лет, прежде чем были раскрыты.

Разоблачение кольца Фельфе в немецкой разведке в 1961 году показало, что эта служба была проникнута Советами с момента ее возрождения в 1951 году.

Подробная информация автора об обширном советском проникновении во французскую разведку в течение длительного периода времени была передана соответствующим французским властям, которые смогли нейтрализовать это проникновение.

Американская разведка пострадала от советского проникновения в союзные службы, с которыми она сотрудничала. В 1957-58 годах американская разведка потеряла важного секретного агента в Советском Союзе, подполковника Попова, в результате проникновения КГБ.²⁴

---

²⁴ Специальный секретный обзор по делу Попова (известный как «Операция Бумеранг») был распространен среди сотрудников КГБ после его ареста. В нем говорилось, что Попов был раскрыт в результате донесений агентов за рубежом (имена не назывались) и наблюдения за Поповым и его сотрудником. Попова не смогли арестовать раньше, так как полков-

В частности, поскольку проблема дезинформации не была понята, сомнительно, что адекватно учитывается компрометация источников в результате известных случаев проникновения коммунистов в западную разведку.

Факторы успеха коммунистической разведки

Три основных фактора способствуют успеху коммунистических спецслужб против Запада. Во-первых, они действуют в гораздо больших масштабах. Потенциал разведки тоталитарных режимов всегда выше, чем у демократических, поскольку они полагаются на тайную полицию для обеспечения своей внутренней стабильности. Решимость коммунистических режимов продвигать свою систему в других странах влечет за собой расширение роли их спецслужб за рубежом. Соответственно, коммунистические режимы более серьезно относятся к работе по разведке и безопасности и выделяют на нее больше человеческих и финансовых ресурсов, чем демократические страны. В Советском Союзе сотрудники могут быть обучены по этим предметам до уровня, эквивалентного университетской степени. Их поощряют расширять свои сети информаторов в массовом масштабе как на своей территории, так и за ее пределами.

Во-вторых, коммунистические лидеры осознают важность хорошей работы службы безопасности для их выживания и конструктивный вклад, который хорошая разведка может внести в успех их международной стратегии. Поэтому коммунистические разведки и службы безопасности свободны от сложных, если не сказать невозможных ограничений, налагаемых на деятельность их коллег в демократических странах. Они занимают официально признанное и почетное место в коммунистических учреждениях. У них нет проблем с прессой или общественным мнением в своих странах. Они могут позволить себе быть более агрессивными, особенно при вербовке новых агентов.

Третий, и, возможно, самый важный фактор заключается в том, что с 1958-60 гг. объединенные ресурсы разведки и безопасности всего коммунистического блока были призваны коммунистическими правительствами играть влиятельную роль в реализации новой долгосрочной политики блока, взяв на себя активную политическую роль, что повлекло за собой предоставление западным спецслужбам тщательно отобранной «секретной» информации изнутри коммунистического мира.

Дополнительным свидетельством потери эффективности западной разведки является то, что это изменение в роли коммунистических спецслужб практически осталось без внимания на Западе, как и значение двух совещаний ведущих сотрудников КГБ в Советском Союзе в 1954 и 1959 годах. До сих пор не было никаких признаков осознания нового измерения проблемы, связанного с участием коммунистической разведки в стратегической дезинформации. Это видимо указывает на то, что какие бы секретные западные источники ни существовали, они не сообщали об этом.

Устаревшие западные методы анализа коммунистических источников

До сих пор западные аналитики обычно использовали метод содержания для анализа коммунистических источников, в основном коммунистической прессы и периодических изданий. Поскольку правила были сформулированы бывшим немецким коммунистом Боркенау, этот метод часто называют методом Боркенау. Не ставя под сомнение интеллект или честность

ник ГРУ был «в руках американцев». Использование Попова в оперативной «игре» против американцев было исключено, поскольку он был известен как очень антисоветски настроенный человек и поэтому, скорее всего, раскрыл бы игру американцам.

западных аналитиков, следует усомниться в том, что они продолжали и почти исключительно полагались на его метод после того, как была принята новая долгосрочная политика блока и систематическое использование дезинформации.

Основные правила метода Боркенау можно сформулировать следующим образом:

- Не поддавайтесь фасаду коммунистической пропаганды и не отвлекайтесь на пустое словоблудие коммунистических заявлений, чтобы определить реальные проблемы и реальные конфликты в коммунистических обществах.

- Толкуйте эти вопросы и прогнозировать возможное развитие событий в коммунистическом мире до того, как они станут достоянием общественности.

- Ищите подсказки для толкования событий в коммунистическом мире в национальной и местной коммунистической прессе в объявлениях о назначениях или увольнениях должностных лиц и в объявлениях о некрологах.

- Проводите детальное сравнение выступлений ведущих коммунистов в одной и той же стране и в разных странах в поисках существенных различий, особенно в акцентах и подходе к доктринальным проблемам.

- Проводите аналогичные подробные сравнения между коммунистическими газетами, другими изданиями и передачами в одной и той же стране и в разных странах с одной и той же целью.

- Толкуйте текущие события в свете знаний о старых партийных противоречиях.

- Уделяйте особое внимание борьбе за личную власть; отслеживайте биографию и карьеру партийных начальников и изучайте их группу последователей.

Этот метод был действенным и эффективным для периода диктатуры Сталина и для борьбы за власть, последовавшей за его смертью. Ликвидация Сталиным группы Жданова в 1948-49 годах, существование китайско-советских разногласий в сталинский период и «победа» Хрущева над большинством в Президиуме в июне 1957 года – все эти факты поддавались более или менее точному толкованию и оценке с помощью этих средств.²⁵ Фракционность, политические споры, политическое маневрирование, борьба за власть – все это были реальные проблемы того времени, и анализ их по линии Боркенау оправдал себя и дал ключ к пониманию реалий коммунистического мира и его политики.

В начальный послесталинский период, с 1953 по 1957 год, самый стихийный и неконтролируемый период в истории коммунизма, произошли некоторые новые события. Подлинный национализм и ревизионизм приобрели значительные масштабы. Возникли различные группы интересов (военные, партия и техническая администрация), а также группы сталинистов и умеренных, либералов и консерваторов. Эти новые факторы были приняты во внимание западными аналитиками, которые соответствующим образом изменили свою методику.

Однако стихийный период закончился с восстановлением власти коммунистических партий в блоке. Перенастройки в коммунистическом мире изменили первоначальное значение и смысл различных факторов, изучаемых западными аналитиками. Поскольку последние не смогли осознать эти изменения, их метод анализа коммунистических источников оказался несостоятельным.

Принятие долгосрочной политики прочно утвердило принцип коллективного руководства, положило конец реальной борьбе за власть, обеспечило решение проблемы преемственности в руководстве и создало новую основу для отношений между различными членами коммунистического блока. Если методы оценки национализма и ревизионизма были актуальны в кризисный период с 1953 по 1956 год, когда произошла потеря советского контроля над сател-

---

²⁵ См. статью В. Nikolayevskiy о XIX съезде КПСС, *The New Leader*, 6 октября 1952 года. См. также Franz Borkenau, «Sino-Soviet Relations», Department of State ERS paper, серия 3, № 86, 1 февраля 1952 г.; и «Mao Tse-tung», «The Twentieth Century», август 1952 г.

литами и возникли стихийные восстания, в частности в Польше и Венгрии, то они перестали быть актуальными после того, как лидеры коммунистических партий и правительств получили тактическую независимость и все они, включая югославов, взяли на себя обязательства по новой долгосрочной политике блока и международной коммунистической стратегии. Силы национализма и ревизионизма перестали определять коммунистическую политику где бы то ни было; коммунистическая политика определяла то, как их можно использовать. Именно потому, что это основополагающее изменение было успешно скрыто от западных наблюдателей, последующий западный анализ советско-албанских, советско-югославских, советско-румынских, советско-чехословацких, советско-китайских и советско-польских отношений, основанный на старой, устаревшей методологии, стал опасно вводящим в заблуждение.

Восстановление партийной власти положило конец влиянию групп интересов. Это можно проиллюстрировать на примере группы военных. При Сталине военные были потенциально важной группой, поскольку подвергались преследованиям с его стороны. Они знали все о методах Сталина на личном опыте. По этой причине антипартийный шаг военных всегда был возможен. Во время борьбы за власть с 1953 по 1957 год партийный контроль над советскими военными был слабым, и военные сыграли значительную роль сначала в смещении неугодных лидеров, таких как Берия, а затем, через Жукова, в «победе» Хрущева над оппозицией. После смещения Жукова, военные попали под более надежный партийный контроль и были избавлены от угрозы преследования. Точно так же партийный контроль над военными в Китае был подтвержден с 1958 года. Военные не могут и не делают политику ни в одной из стран. «Открытие» западными аналитиками военной группы давления в Советском Союзе в 1960 году и акцент на роли бывшего министра обороны Китая Линь Бяо были ошибочными. Военные лидеры, как и так называемые технократы, все являются членами партии, находящимися под контролем партийного руководства. В своих отдельных областях они все являются активными участниками реализации долгосрочной политики.

После того, как коллективное руководство было установлено в Советском Союзе и подтверждено в китайской партии в 1959-60 годах, фракционность потеряла свое значение. Больше не могло быть реальных групп сталинистов, неосталинистов, хрущевцев или маоистов, но такие группы могли быть придуманы, если того требовали политические соображения. Фактор личности в руководстве коммунистических партий приобрел новое значение. Личный стиль и идиосинкразии лидера больше не определяли коммунистическую политику; напротив, долгосрочная политика блока стала определять действия лидеров и использовать их различия в личности и стиле в своих целях. Сталин использовал культ личности для установления своей личной диктатуры; Мао использовал его, отчасти, чтобы скрыть реальность коллективного руководства. Поскольку принятие общей долгосрочной политики также решило проблему преемственности, борьба за власть потеряла свое прежнее значение и стала частью рассчитанной и контролируемой демонстрации различий и разобщенности внутри блока. Существование подлинных групп сталинистов и либералов, сторонников жесткой линии и умеренных в Советском Союзе столь же иллюзорно, как и существование просоветских и антисоветских групп или групп консерваторов и прагматиков в китайском руководстве. Верно, что в обоих руководствах были представители старшего и младшего поколений, но попытки найти различия в идеологии или политике разных поколений не могут быть подкреплены вескими доказательствами. Оба поколения в обеих партиях были и остаются в равной степени приверженцами долгосрочной политики 1958-60 годов.

Когда в Советском Союзе шла реальная борьба за власть, имело смысл просмотреть коммунистическую прессу в поисках подсказок, намеков и существенных упущений, прочитать завуалированную критику между строк или найти расхождения в акцентах по тому или иному вопросу в разных газетах или у разных лидеров в одной партии или в разных партиях. Это имело смысл, особенно в годы до и после смерти Сталина. Однако после 1960 года продолжать

анализ в этом направлении стало не только бесполезно, но и положительно опасно, поскольку стратеги блока знали все о технике Боркенау и его клише и использовали свои знания при планировании стратегической дезинформации. Они знали все указатели, на которые сторонники метода Боркенау полагались в своем понимании работы коммунистической системы; они знали, какое очарование вызывают фактические и потенциальные расколы в коммунистическом мире; они знали, когда и как бросить намек в СМИ или в частной беседе, предполагая очевидные сдвиги в балансе между явно соперничающими группами в руководстве; Они знали, где и как раскрывать тексты секретных выступлений и дискуссий, отражающих явные разногласия между партиями; и, наконец, они научились вести контролируемую публичную полемику между лидерами партий достаточно реалистично, чтобы убедить внешний мир в реальности советско-албанской и китайско-советской вражды и в то же время сохранить и укрепить единство действий внутри блока в соответствии с взаимно согласованной долгосрочной политикой и стратегией.

Неспособность Запада обнаружить дезинформацию и ее нынешнюю модель

Традиционная методология склонна считать секретный источник надежным, если информация, которую он предоставляет, в целом согласуется с другими открыто доступными сведениями; и наоборот, источник, сообщающий информацию, которая противоречит общепринятому взгляду на ситуацию в коммунистическом мире, должен быть отброшен или отвергнут. В отсутствие дезинформации эта методология была бы действенной. Но доклад Шелепина в мае 1959 года ознаменовал собой возобновление систематической программы дезинформации. Действительно, в конце 1960-х годов рост активности коммунистической дезинформации, в основном тактического характера, связанный с фабрикацией и утечкой коммунистической стороной якобы западных документов, привлек внимание Запада и был доложен ЦРУ Конгрессу США. Но дело в том, что когда Шелепин представил свой доклад на совещании КГБ в 1959 году, у Запада, очевидно, не было источников, способных сообщить о нем; его содержание и последствия оставались неизвестными и неисследованными ни одной западной разведслужбой, пока автор не рассказал о них. Принимая во внимание публичные ссылки на долгосрочную политическую роль КГБ на XXI съезде КПСС, добросовестность любого источника или перебежчика из КГБ, описавшего совещание КГБ 1959 года и доклад Шелепина на ней как рутину, вызывает серьезные сомнения.

Запад не только не располагал конкретной информацией о докладе Шелепина; коммунистическое использование дезинформации в целом постоянно недооценивалось на Западе, и предназначение модели слабости и эволюции практически неизвестно.²⁶ Если бы Запад знал о докладе Шелепина и оценил его последствия, западная методология должна была бы, и, вероятно, перевернулась бы с ног на голову; было бы понятно, что надежный источник может дать информацию, противоречащую общепринятой картине. Коммунистическое понятие тотальной дезинформации подразумевает использование всех доступных каналов для передачи дезинформации, то есть всех коммунистических источников и всех западных источников, за исключением, очевидно, тех, которые неизвестны коммунистической стороне, и тех, которые по каким-то практическим причинам не подходят. Если коммунистические и западные источники отражают один и тот же образ коммунистического мира, это хороший признак того, что западные и коммунистические источники успешно используются в целях дезинформации.

---

²⁶ Использование модели фасада и силы иногда признавалось. См. например, Walker's China under Communism, (Richard Lewis Walker; George Allen and Urwin, Ltd., London, 1956) pp. 240-45.

На фоне превосходства усилий коммунистической службы безопасности и разведки и ее известных успехов в проникновении в западные спецслужбы, шансы на выживание надежных и бескомпромиссных западных тайных источников на стратегическом политическом уровне в коммунистическом мире очень малы. Если бы, несмотря на все трудности, такой источник выжил, он должен был бы предоставить информацию, расходящуюся с информацией из всех других источников. В то время, когда использовалась модель дезинформации «фасад и сила», надежный источник на нужном уровне должен был привлечь внимание к существованию критической ситуации в коммунистическом мире, которую коммунистическая сторона стремилась скрыть. И наоборот, после того, как в 1958-60 годах была вновь введена модель слабости и эволюции, надежный секретный источник должен был обратить внимание, в отличие от других источников, на скрытую силу и координацию коммунистического мира. Поскольку Запад не смог узнать или понять коммунистическую дезинформацию после 1958 года, он не смог изменить свою методологию; поскольку он не смог изменить свою методологию, он продолжал принимать как подлинную информацию из всех источников, как коммунистических, так и западных, отражающих разобщенность и беспорядок в коммунистическом мире. Тот факт, что все источники, как западные, так и коммунистические, продолжают рассказывать практически одну и ту же историю по этому вопросу, является хорошим признаком того, что усилия по дезинформации были всеобъемлющими и эффективными. Самым опасным последствием неспособности Запада обнаружить и понять коммунистическую дезинформацию и ее модели является то, что в отсутствие какого-либо корректирующего влияния со стороны надежных западных секретных источников, версия событий, передаваемая через коммунистические источники, все чаще принимается за правду. Традиционные западные взгляды на китайско-советский «раскол», «независимость» Румынии и Югославии, «пражскую весну», еврокоммунистическое диссидентство и другие темы, обсуждаемые во второй части, были разработаны для Запада и переданы ему коммунистическими стратегами.

11 Ошибки Запада

НЕУДАЧА ЗАПАДНЫХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ в приспособлении своих методологий, чтобы учесть изменения в коммунистической политике и стратегии в период 1957-60 гг. и повторное внедрение дезинформационной модели слабости и эволюции означало, что эти службы потеряли способность производить или вносить вклад в точные и сбалансированные оценки ситуации в коммунистическом мире; они невольно стали проводниками дальнейшего распространения дезинформации, намеренно скормленной им их коммунистическими противниками. Поскольку они не смогли передать адекватные предупреждения ни о мобилизации разведывательного потенциала блока для политических действий, ни о методах и моделях дезинформации, неудивительно, что западные дипломаты, ученые и журналисты не обратили внимания на расчетливую подачу дезинформации через средства связи и все чаще принимали за чистую монету «разоблачения», сделанные им коммунистическими лидерами и официальными лицами в неофициальных, незаписанных разговорах.

Принятие нового вида дезинформации, начиная с 1958 года, отнюдь не было полным и немедленным. По крайней мере, до 1961 года среди серьезных западных исследователей коммунистических дел существовали, в общем, две школы мысли. Были те, кто на основе своего долгого опыта и знакомства с коммунистической двуличностью и обманом, а также интуитивного недоверия к свидетельствам и «утечкам», исходящим из коммунистических источников, скептически относились к ранним проявлениям расхождений и расколов в коммунистическом мире и предостерегали от некритического некритического принятия этих проявлений за чистую монету. Скептицизм в отношении подлинности китайско-советских разногласий по-разному и на разных основаниях выражали, в частности, У. А. Дуглас Джексон, Дж. Бернхэм, Дж. Лавстоун, Натали Грант, Сюзанна Лабин и Тибор Менде. Например, Джексон писал: «Во второй половине 1959 года и в течение 1960 года, в результате различных мнений, выраженных в заявлениях, опубликованных в Пекине и Москве, идея о возможном разрыве между двумя державами [получила] значительный импульс в некоторых западных столицах. Желание увидеть развитие конфликта между КНР и СССР вполне законно, но оно может ослепить Запад к фундаментальным реалиям, если придавать чрезмерное значение кажущимся признакам раскола, когда на самом деле ничего фундаментального может не существовать.»²⁷

Джеймс Бернхэм отметил в *National Review*, что китайско-советский конфликт, похоже, был темой разговора, которую коммунисты предпочитали западным государственным деятелям и журналистам во время их визитов в Москву и Пекин; он задался вопросом, являются ли заявления о китайско-советском споре «преднамеренным обманом коммунистов, или желаемым некоммунистами, или слиянием того и другого».²⁸

Сюзанна Лабин повторила в своей книге мнение беженца из коммунистического Китая, доктора Тана, согласно которому китайско-советские разногласия возникли из-за разделения труда между СССР и Китаем.²⁹

²⁷ W. A. Douglas Jackson, *The Russo-Chinese Borderlands*, (D. Van Nostrand, Princeton, New Jersey, 1962) p. 95.

²⁸ «Bear and Dragon: What Is the Relation between Moscow and Peking?», приложение к *National Review*, 5 ноября 1960 года.

²⁹ Suzanne Labin, «The Anthill: The Human Condition in Communist China (Stevens and Sons Ltd., London 1960), pp. 419-20, в которой автор цитирует доктора Тана: «Тот факт, что во всех главных для их выживания вопросах оба режима всегда согласны, помогает нам понять, что их разногласия по тактическим вопросам просто вытекают из разделения труда, при котором Россия и Китай перебрасывают мяч по очереди. Например, когда один из них делает агрессивный шаг, другой выступает в роли посредника и таким образом успокаивает страхи свободного мира. Это, я думаю, то, что на американском сленге называется «работать по обе стороны улицы». Пожалуйста, помните, мадам, что до сравнительно недавнего времени только Советский Союз осуществлял международные шаги от имени всего коммунистического мира, и поэтому Советскому Союзу приходилось чередовать жесткие и мягкие линии в зависимости от реакции Запада. Но в последние годы на междуна-

Тибор Менде, посетивший Китай в то время, предостерег от преувеличения важности существующих разногласий и заметил, что «когда Китай и Советский Союз встречаются, это не просто торг, но и согласование действий».³⁰

Натали Грант, хорошо знакомая с историей Треста, пошла дальше, предположив, что «тщательное изучение материалов, на основании которых якобы делается вывод о наличии серьезного китайско-советского конфликта, доказывает отсутствие каких-либо объективных оснований для такого убеждения... все заявления о наличии серьезных разногласий между Москвой и Пекином по вопросам внешней политики, войны, мира, революции или отношения к империализму являются выдумкой. Все они являются плодом плодovitого воображения и необоснованных спекуляций». Она также заявила, что большая часть «дезинформации» о китайско-советских отношениях была вдохновлена коммунистами и «напоминает о той почти забытой эпохе, когда доминировал Институт тихоокеанских отношений».³¹

Противоположная школа мысли применила методы Боркенау к новой ситуации и уделила большое внимание изучению так называемых «символических», или «эзотерических», свидетельств, которые начали появляться в коммунистической прессе с 1958 года, о расхождениях и доктринальных спорах между различными членами коммунистического блока.³² Эзотерические доказательства китайско-советских разногласий подкреплялись различными неофициальными заявлениями советских и китайских лидеров, такими как критические замечания Хрущева о китайских коммунах покойному сенатору Хьюберту Хамфри 1 декабря 1958 года или «откровенные признания» Чжоу Энь-лая Эдгару Сноу осенью 1960 года.³³ Дальнейшая поддержка исходила от неофициальных комментариев коммунистических чиновников в Восточной Европе.³⁴

родную арену в качестве партнера вышел коммунистический Китай, и теперь они вдвоем, работая вместе, могут одновременно проводить разрозненную политику – один из Москвы, другой из Пекина. Это дает большое преимущество коммунистическим державам и усиливает растерянность Запада».

³⁰ Tibor Mende, *China and Her Shadow*, (Thames and Hudson, London 1960), стр. 162, 180-81: «Сегодня в мире действительно мало событий, которые могли бы более полно изменить существующий баланс сил, чем окончательный разрыв двух основных коммунистических держав. По той же причине мало найдется тем, по которым, основываясь на столь незначительном количестве конкретных фактов, было бы построено так много спекуляций. Если вначале увлечения огромным влиянием китайско-советского сотрудничества было склонно сбрасывать со счетов признаки разногласий, то теперь опасность заключается скорее в том, что под влиянием литературы о политических тайнах важность существующих разногласий может быть сильно преувеличена. . . «Понятный интерес внешнего мира к обнаружению симптомов раздора неизбежно приведет к искаженной картине, в которой разногласия превозносятся за счет гораздо более важной области, где есть совпадение интересов. Принятие случайных трений оси Москвы-Пекина за признаки глубоко укоренившегося конфликта является и, вероятно, останется на долгие годы опасным просчетом. Образ России, напуганной безрассудным Китаем, является плохой заменой для последовательной политики Запада в Азии. Иллюзия того, что Запад может вбить клин между двумя союзниками, вероятно, останется модной еще некоторое время, даже если ее жертвы будут продолжать делать все возможное для еще большего сближения двух стран. «Когда Китай и Советский Союз встречаются, они не просто торгуются, но и согласовывают свои действия».

³¹ Приложение к *National Review*, 5 ноября 1960 года.

³² Согласно книге «Diversity in International Communism», под ред. Alexander Dallin (New York: Columbia University Press, 1963; p. xxxviii, note 4), термин «эзотерические коммуникации» вошел в обиход благодаря книге Myron Rush «Rise of Khrushchev» (Washington, D.C.: Public Affairs Press, 1958), в которой широко использовалась эта техника анализа. В своей заметке о методологии в книге «The Sino-Soviet Conflict, 1956-1961» Donald S. Zagoria пишет: «С тех пор, как пять или десять лет назад систематический анализ коммунистических сообщений был отвергнут как «кремленология», западные студенты достигли значительной степени изощренности в использовании этих источников. Хотя в некоторых кругах этот подход все еще считается черным искусством, не может быть никаких обоснованных сомнений в том, что вырос богатый корпус работ, который дает важное представление о различных аспектах коммунистической политики». . . . [Так как] фракционность и открытое обсуждение разногласий были запрещены, коммунисты вынуждены расходиться друг с другом посредством использования . . . «эзотерических коммуникаций» или эзоповым языком. Как правило, разногласия по поводу альтернатив политики или стратегии сильно завуалированы доктринальной экзегезой. Однако за кажущейся сухостью доктринальной полемики скрываются реальные и серьезные политические проблемы».

³³ Edgar Snow, *The Other Side of the River: Red China Today* (New York: Random House, 1961), стр. 97-100, 431.

³⁴ Например, Zbigniew K. Brzezinski, *The Soviet Bloc Unity and Conflict*, rev. ed. (New York: Frederick A. Praeger, 1961), стр. xx, xxii, 424-25, и сноски 43, стр. 514.

На протяжении 1960 и большей части 1961 года мнения колебались между скептиками и верующими в эзотерические доказательства. Затем, на XXII съезде КПСС, состоявшемся в октябре 1961 года, Хрущев выступил с публичной критикой руководства албанской компартии, а Чжоу Энь-лай, руководитель китайской делегации, отказался от участия в съезде. Советско-албанский диалог перестал быть эзотерическим и стал публичным. По мере развития публичной полемики между советскими и албанскими и китайскими лидерами на Западе стали появляться ретроспективные рассказы о спорах, которые якобы происходили за закрытыми дверями на съезде Румынской коммунистической партии, состоявшемся в Бухаресте в июне 1960 года, и совещании 81 коммунистической и рабочей партии, состоявшемся в Москве в ноябре 1960 года. Наиболее заметными из этих разоблачений стали статьи Эдварда Крэнкшоу в лондонской *Observer* за 12 и 19 февраля 1961 года и 6 и 20 мая 1962 года. За ними последовала публикация официальных документов и заявлений в прессе итальянской, французской, бельгийской, польской и албанской коммунистических партий. Эти материалы подтвердили и дополнили содержание статей Крэнкшоу.³⁵

К концу 1962 года сочетание эзотерических свидетельств, публичной полемики между коммунистическими лидерами и в основном ретроспективных свидетельств фракционности на международных коммунистических собраниях оказалось непреодолимым; признание существования подлинного раскола в коммунистическом мире стало почти всеобщим. Эзотерические и неофициальные свидетельства из коммунистических источников доказали свою надежность и точность. Была подтверждена неизменная обоснованность основных положений старой методологии, а ее практики были оправданы. Почва ушла из-под ног скептиков. Некоторые изменили свое мнение. Те, кто сохранил свои сомнения, не имели веских доказательств, которыми можно было бы их подкрепить, и им оставалось только молчать. Изучение раскола набирало обороты, создавая по пути различные личные обязательства и корыстные интересы в обоснованности анализа, который демонстрировал ускоряющийся распад коммунистического монолита. У новых студентов, приходящих в эту область, не было ни стимулов, ни оснований для оспаривания принятой ортодоксии или для пересмотра основных положений методологии или достоверности доказательств, на которых они были основаны.

Развитие расколов в коммунистическом мире привлекает западное сознание во многих отношениях. Оно питает тягу к сенсационности; оно порождает надежды на коммерческую выгоду; оно будит воспоминания о прошлых ересь и расколах в коммунистическом движении; оно показывает, что фракционность является элементом как коммунистической, так и западной политики; она поддерживает утешительную иллюзию, что, предоставленный сам себе, коммунистический мир распадется и коммунистическая угроза остальному миру исчезнет; и она подтверждает мнения тех, кто на интеллектуальных основаниях отвергает притязания коммунистической догмы на то, чтобы служить уникальным, универсальным и непогрешимым руководством для понимания истории и проведения политики. Неудивительно поэтому, что свидетельства официальных коммунистических источников, которые противоречат образу разобщенности и беспорядка в коммунистическом мире и которые указывают или могут быть истолкованы как указывающие на продолжающееся сотрудничество между Советским Союзом, Китаем, Румынией и Югославией и продолжающуюся координацию в осуществлении долгосрочной политики блока, были отброшены или проигнорированы. В центре внимания почти всегда оказываются свидетельства разногласий. Эти доказательства были настолько захватывающими, а западное понимание мотивов и методов коммунистической дезинформации настолько недостаточным, что все меньше и меньше внимания уделялось коммунистическому происхождению доказательств. Практически все они были предоставлены Западу ком-

³⁵ См. также William E. Griffith, «The November 1960 Moscow Meeting: A Preliminary Reconstruction», *China Quarterly*, no. 11 (июль-сентябрь 1962 года).

мунистическими правительствами и партиями через их прессу и спецслужбы. Не принимая это во внимание, западные наблюдатели все глубже и глубже попадали в расставленную для них ловушку.

Нынешняя ситуация напоминает период НЭПа с одним важным отличием: в 1920-е годы ошибки Запада относились только к Советской России, а сегодня ошибки относятся ко всему коммунистическому миру. Там, где Запад должен видеть единство и стратегическую координацию в коммунистическом мире, он видит только разнообразие и дезинтеграцию; там, где он должен видеть возрождение идеологии, стабилизацию коммунистических режимов и усиление партийного контроля, он видит смерть идеологии и эволюцию к демократической системе или сближение с ней; там, где он должен видеть новые маневры коммунистов, он видит умеренность в коммунистической политике. Готовность коммунистов к подписанию соглашений с Западом по тактическим соображениям на обманчивой основе неверно истолковывается как утверждение национальных интересов великой державы над преследованием долгосрочных идеологических целей.

Еще две тенденции усугубили ряд ошибок Запада: тенденция применять клише и стереотипы, полученные при изучении обычных национальных режимов, к изучению коммунистических стран, упуская или недооценивая идеологический фактор в их внутренних системах и отношениях друг с другом; и тенденция выдавать желаемое за действительное.

Обе тенденции способствуют некритическому принятию Западом того, что коммунистические источники, официальные и неофициальные, говорят, в частности, о китайско-советском споре. Большая часть западной литературы на эту тему объединяет исторические свидетельства о соперничестве между двумя странами, когда ими управляли цари и императоры, с противоречиями между ними в 1920-1960-е годы – и все это в попытке обосновать подлинность нынешнего спора без какой-либо серьезной попытки изучить различные факторы, действовавшие в разные периоды. Внимание Запада всегда сосредоточено на расколе, а не на свидетельствах из тех же коммунистических источников, пусть и скудных, о продолжающемся китайско-советском сотрудничестве. Западные аналитики, как в правительстве, так и вне его, похоже, больше озабочены спекуляциями на тему будущих отношений между коммунистическим и некоммунистическим миром, чем критическим изучением фактов, на которых основывается их толкование событий.

Национализм был важной силой в коммунистических партиях во время последних лет жизни Сталина и в период кризиса после его смерти. От него пострадали различные партии, особенно в Югославии, Польше, Венгрии и Грузии. Важно понимать, однако, что националистическое несогласие в партиях того времени было реакцией на сталинские отступления от ленинских принципов интернационализма. После осуждения сталинской практики и внесения необходимых корректив в ведение коммунистических дел, начиная с 1956-57 годов, особенно в отношениях между КПСС и другими коммунистическими партиями, основа для националистического несогласия в этих других партиях постепенно исчезла. С этого момента националистические чувства в соответствующих группах населения стали фактором, с которым коммунистические режимы могли бороться с помощью согласованного разнообразия тактик и расчетливого проецирования ложного образа национальной независимости коммунистических партий. Как бы то ни было, с 1957-60 годов режимы в Китае, Румынии, Югославии и дубчекской Чехословакии не были мотивированы различными видами национального коммунизма; их действия последовательно диктовались ленинской идеологией и тактикой, направленной на преследование долгосрочных интересов и целей коммунистического блока в целом, которым подчинены национальные интересы народов коммунистического мира.

Основной ошибкой Запада на протяжении всего времени было игнорирование принятия долгосрочной политики блока, а также роли и модели коммунистической дезинформации. Либо дезинформация вообще не принимается во внимание, либо предполагается, что исполь-

зуется модель фасада и силы. В действительности же с 1958-60 годов применяется модель слабости и эволюции. Дезинформация по этой модели заложила основу для ошибочных оценок Западом коммунистического мира, которые, в свою очередь, породили ошибки в ответах и политике Запада. В результате коммунистическому миру было позволено систематически осуществлять свою долгосрочную политику в течение более чем двадцати лет.

12 Новая методология

СУЩЕСТВУЮТ ДВА СПОСОБА анализа и толкования каждого из основных событий, произошедших в мировом коммунизме с 1958 года, описанных во второй части. Согласно общепринятой точке зрения, основанной на старой, устаревшей методологии, каждое из этих событий является проявлением спонтанного роста расщепляющих тенденций в международном коммунизме. Новая методология приводит к радикально иному выводу: каждое из них является частью взаимосвязанной серии стратегических дезинформационных операций, направленных на реализацию долгосрочной политики блока и его стратегий. Суть новой методологии, отличающая ее от старой, состоит в том, что она учитывает новую политику и роль дезинформации.

Традиционная методология часто пытается анализировать и толковать события в коммунистическом мире изолированно и по годам; инициативы коммунистов рассматриваются как спонтанно возникающие попытки достижения краткосрочных целей. Но поскольку в 1957-60 годах произошла корректировка внутриблоковых отношений, а также была сформулирована и принята новая долгосрочная политика для блока в целом, правильное понимание того, что произошло в те годы, дает ключ к пониманию того, что произошло после. Первый и основной принцип новой методологии заключается в том, что отправной точкой для анализа всех последующих событий должен быть период 1957-60 годов.

Факторы, лежащие в основе новой методологии

Из уже приведенного отчета о тех годах, основанного в основном на внутренней информации, можно выделить восемь новых факторов. Только если все эти факторы и взаимодействие между ними будут поняты и учтены вместе, анализ событий последних двадцати лет может дать правильные результаты. К этим факторам относятся:

- Корректировка отношений между членами коммунистического блока, включая Югославию, начиная с 1957 года, и принятие общей долгосрочной политики.
- Решение вопроса о сталинизме.
- Установление коллективного руководства, прекращение борьбы за власть и решение проблемы преемственности.
- Этапы и долгосрочные цели политики.
- Исторический опыт на котором политика была основана.
- Подготовка к использованию партийного аппарата, массовых организаций, дипломатических, разведывательных и спецслужб всего блока в целях политического влияния и стратегической дезинформации.
- Принятие слабой и эволюционной модели дезинформации.
- Новая оценка коммунистическими стратегами того, как можно использовать полемику между различными членами коммунистического блока.

Из этих новых факторов можно вывести новые аналитические принципы. Каждый фактор будет рассмотрен по очереди.

До начала формулирования новой политики и в качестве одной из существенных предпосылок для ее формулирования в 1957 году были установлены новые отношения между режимами коммунистического блока. Советское господство над восточноевропейскими сателлитами и сталинские попытки вмешательства в дела китайских и югославских коммунистов были отменены в пользу ленинских концепций равенства и пролетарского интернационализма. Доминирование уступило место подлинному партнерству, взаимному сотрудничеству и координации в преследовании общих долгосрочных интересов и целей всего коммунистического

блока и движения; учитывалось разнообразие конкретных национальных условий, в которых действовал каждый коммунистический режим и партия.

Устаревшая, традиционная методология не смогла распознать значение этого изменения; она продолжала считать, что советская партия пытается, часто безуспешно и в конкуренции с китайцами, оказывать свое влияние на другие коммунистические партии, чтобы обеспечить их соответствие советскому образцу. После осознания того, что по взаимному соглашению между 81 партией, подписавшими Заявление в ноябре 1960 года, разнообразие внутри коммунистического движения было санкционировано, легко понять, что споры и разногласия между коммунистами по поводу ортодоксальности различных тактик являются искусственными, надуманными и рассчитанными на достижение определенных стратегических или тактических целей. Новая методология исходит из того, что 81 партия приняла на себя обязательства по новой долгосрочной политике и согласилась внести свой вклад в достижение ее целей в соответствии с характером и масштабом своих ресурсов. Более того, поскольку разнообразие было разрешено, разделение труда могло быть между партиями, и любой из них могла быть отведена особая стратегическая роль в соответствии с ее национальной спецификой и предложением Ленина в более раннем историческом контексте, что «нам нужен громадный концерт; нам нужно выработать себе опыт, чтобы правильно распределить в нем роли, чтобы одному дать сентиментальную скрипку, другому свирепый контрабас, третьему вручить дирижерскую палочку».³⁶ Решения 1957-60 годов дали советской, китайской, албанской, югославской, румынской, чехословацкой, вьетнамской и другим партиям свои различные инструменты и партии для исполнения в симфонической партитуре. Старая методология слышит только диссонирующие звуки. Новая методология стремится оценить симфонию как единое целое.

Новое толкование фактов, доступных из официальных коммунистических источников, приводит к выявлению шести взаимосвязанных коммунистических стратегий и иллюстрирует различные стратегические роли, отведенные различным коммунистическим партиям в рамках общего замысла.

Съезд коммунистических партий блока в 1957 году согласился с общей, взвешенной оценкой ошибок и преступлений Сталина и с мерами, необходимыми для их исправления. Основа для разногласий между коммунистами по вопросу о сталинизме и десталинизации была устранена; вопросы были решены. Старая методология практически не учитывала этого и продолжала рассматривать их как спорные вопросы между различными советскими лидерами, между Советами и китайцами и албанцами. Новая методология рассматривает сталинизм с 1958 года и далее как мертвый вопрос, который был намеренно и искусственно возрожден и использован для создания ложного образа враждующих фракций среди лидеров коммунистического блока. Понимание составных элементов десталинизации и того, как они использовались, дает ключ к пониманию коммунистической тактики и техники в остальной программе соответствующих дезинформационных операций, касающихся, например, мнимых конфликтов между югославским и советским «ревизионизмом» и китайским и албанским «сталинизмом», или «независимостью» Румынии.

С 1958 года концепция коллективного руководства постепенно расширялась и охватывала гораздо больше, чем согласование политики между отдельными членами Президиума или Политбюро. Она стала охватывать всех, кто мог внести свой вклад в формулирование политики, разработку и применение путей и средств достижения ее целей, включая не только лидеров всех блоковых и некоторых более важных внеблоковых партий, но и высокопоставленных чиновников аппаратов ЦК, дипломатических и разведывательных служб, академий наук.

Решение вопроса о сталинизме, а также установление коллективного руководства в этом смысле и распространение власти вниз и связанного с ней влияния, фактически устранили

³⁶ См. Сочинения Ленина, т. 8, с. 96.

основания для подлинной фракционности, борьбы за власть и проблемы преемственности в руководстве коммунистических партий блока. Теперь эти явления можно было использовать в качестве объектов дезинформационных операций в поддержку долгосрочной политики, и именно в этом свете их рассматривает новая методология. Кремленологи и наблюдатели за Китаем оказались в затруднительном положении, когда продолжали пытаться рационально объяснить взлеты и падения советских и китайских лидеров с помощью устаревшей методологии, которая не учитывала дезинформацию. Согласно новой методологии, повышения и понижения в должности, чистки и реабилитации, даже смерти и некрологи выдающихся коммунистических деятелей – ранее значимые ориентиры для метода анализа Боркенау – должны быть изучены на предмет их соответствия попыткам коммунистов представить изменения в политике как продиктованные личными, а не стратегическими или тактическими соображениями.

Традиционная методология пытается анализировать развитие ситуации и политику коммунистического мира либо с точки зрения краткосрочных целей, либо с точки зрения соперничающих, долгосрочных великодержавных национальных интересов Советского Союза и Китая. Она редко оценивает заметное влияние, особенно с 1958-60 годов, диалектического мышления на коммунистическую политику, которая часто включает в себя свои противоположности: например, коммунистическая дипломатия разрядки, подразумевающая расчетливое повышение международной напряженности по конкретным вопросам и ее последующее ослабление после достижения конкретных коммунистических целей; позор коммунистических лидеров, подразумевающий их последующую реабилитацию; преследование или принудительное изгнание диссидентов, подразумевающее их последующее помилование или возвращение на родину.

Новая методология рассматривает текущие события в связи с целями долгосрочной политики. Она рассматривает эту политику как имеющую три этапа, как и ее предшественница, НЭП. Первый этап – создание благоприятных условий для реализации политики; второй – использование непонимания политики Западом для получения конкретных преимуществ. Эти два этапа, подобно фазам электрической сети переменного тока, являются непрерывными, перекрывающимися и взаимодействующими. Начало третьего, последнего, этапа наступления знаменуется серьезным изменением коммунистической тактики в подготовке к всестороннему нападению на Запад, в ходе которого коммунистический мир, пользуясь долгосрочными стратегическими ошибками Запада, продвигается к своей конечной цели – глобальному триумфу международного коммунизма.

На первом этапе НЭПа экономические реформы использовались как для оживления экономики, так и для создания иллюзии, что Советская Россия утратила революционный импульс. Таким образом, были созданы благоприятные условия для второго этапа – стабилизации режима и получения дипломатического признания и экономических уступок от западных держав. Третий этап начался с отмены экономических реформ в 1929 году и начала идеологических наступлений внутри страны через национализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства, и за пределами страны через подрывную деятельность Коминтерна. Успех как внутренних, так и внешних наступлений был предрешен искажениями сталинского режима. Соответствующие первые два этапа нынешней долгосрочной политики продолжают уже более двадцати лет. Можно ожидать, что заключительный этап начнется в начале 1980-х годов.

Промежуточные цели политики можно кратко сформулировать следующим образом:

- Политическая стабилизация и укрепление отдельных коммунистических режимов как необходимое условие для укрепления блока в целом.
- Исправление экономических недостатков блока за счет международной торговли и приобретения кредитов и технологий у промышленно развитых некоммунистических стран.
- Создание подструктуры для возможной мировой федерации коммунистических государств.

- Изоляция Соединенных Штатов от их союзников и содействие объединенными действиями с социалистами в Западной Европе и Японии с целью обеспечения роспуска НАТО и пакта безопасности между Соединенными Штатами и Японией и объединения Советского Союза с нейтральной, предпочтительно социалистической, Западной Европой и Японией против Соединенных Штатов.³⁷

- Объединенные действия с националистическими лидерами в странах третьего мира для устранения западного влияния из этих стран в качестве предварительного условия для их поглощения в коммунистический блок.

- Обеспечение решающего сдвига в балансе политических и военных сил в пользу коммунистического мира.

- Идеологическое разоружение Запада с целью создания благоприятных условий для заключительного наступательного этапа политики и окончательного сближения Востока и Запада на коммунистических условиях.

Новая методология стремится видеть как события в коммунистическом мире могут быть связаны и способствуют достижению этих целей на каждом этапе политики. Решения ноября 1960 года разрешили использовать все формы тактики – правые и левые, легальные и революционные, традиционные и идеологические – для достижения коммунистических целей. Соответствие советскому образцу перестало быть критерием ортодоксальности, исчезла самая мощная причина фактических и потенциальных расколов в коммунистическом мире. Поэтому новая методология рассматривает так называемые расколы как новую форму тактики и пытается понять, как они служат целям политики. Как только становится ясно, что разрешенный антисоветизм на самом деле может принести прибыль для общей коммунистической стратегии, легко понять, что антисоветизм ведущих диссидентов внутри Советского Союза и еврокоммунистов за его пределами, как и антисоветизм китайских, албанских, югославских и румынских лидеров, искусственно создан для того, чтобы служить целям долгосрочной политики.

Старая методология практически не учитывает историю НЭПа

и других периодов, в которых дезинформация имела большое значение. Она поэтому не может оценивать или освещать реализацию долгосрочной политики, которая была основана в основном на пересмотре этой истории. Новая методология применяет уроки НЭПа. Элементы наиболее в нем относящиеся к 1960-м годам и, следовательно, наиболее полезные для новой методологии в целях сравнения, были следующими:

- Стабилизация советского режима путем создания ложных, контролируемых оппозиционных движений и эффективного использования этих движений для нейтрализации подлинной внутренней и внешней оппозиции.

- Создание благоприятных условий для проведения активной советской внешней политики, направленной на обеспечение дипломатического признания со стороны западных держав и расширение торговли с ними.

- Опыт Рапальского договора, заключения тайного военно-политического союза с капиталистическим государством для приобретения военных технологий.

- Успешное проецирование ложного образа Дальневосточной республики (ДВР) как независимого режима.

- Тактические советы Ленина коммунистическим партиям по преодолению их изоляции, созданию единых фронтов с социалистами и усилению их влияния в парламентах и профсоюзах.

Подлинный раскол Тито-Сталина в 1948 году дал модель коммунистическим стратегам десять лет спустя, на которой они могли основывать свое планирование надуманных расколов в

---

³⁷ Альтернативным вариантом может стать обманчивое примыкание Китая с консервативной Японией и США.

будущем. Поэтому история советско-югославских отношений с 1948 по 1955 год предоставляет набор критериев новой методологии для оценки подлинности последующих расколов.

Решение использовать разведывательный потенциал блока в целях стратегической дезинформации, воплощенное в докладе Шелепина в 1959 году и связанных с ним документах, разрушает представление, подразумеваемое в большей части традиционной методологии, о том, что коммунистические спецслужбы занимаются исключительно шпионажем и работой по обеспечению безопасности. Новая методология учитывает доклад Шелепина и ту важную роль, которая отводится советским чиновникам, профсоюзным деятелям, ученым, священникам, академикам, художникам и другим представителям интеллигенции в реализации политики посредством оказания политического влияния. Новая методология пытается увидеть, как их деятельность и публичные заявления могут служить интересам политики.

Чтобы создать благоприятные условия для реализации этой политики, стратеги блока взяли на вооружение модель дезинформации слабости и эволюции, успешно применявшуюся в период НЭПа в Советском Союзе и распространившуюся в 1958-60 годах на весь коммунистический блок. Поэтому новая методология диктует, что вся поступающая на Запад информация о коммунистическом мире и международном коммунистическом движении, включая еврокоммунизм, должна оцениваться в соответствии с этой моделью.

Значительный вклад в формулирование долгосрочной политики и технику дезинформации о расколах внес югославский лидер Эдвард Кардель, чья книга «Социализм и война» была опубликована незадолго до совещания 81 партии в ноябре 1960 года. В ней Кардель писал, что разногласия между коммунистами «не только не вредны, но и являются законом прогресса».³⁸ По мнению Карделя, внутренняя и внешняя политика югославской коммунистической партии не может быть независимой от интересов социализма, но может быть независимой от «субъективно придуманных понятий»³⁹ других партий, таких как КПК. Нельзя довольствоваться «толкованием того или иного явления в ходе развития простым повторением стереотипных догматических фраз».⁴⁰ «При объективном анализе нужно стараться отделить субъективное от объективного, то есть не позволять лозунгам и политическим декларациям скрывать понимание реальной сути вещей».⁴¹ Тито высказал практически ту же ленинскую мысль, заявив в 1958 году, что «интернационализм – это практика, а не слова и пропаганда».⁴²

По понятным причинам Кардель и Тито не могли открыто заявить, что надуманная полемика между коммунистическими партиями впредь будет использоваться как часть техники коммунистической дезинформации. Тем не менее, четко проведенное различие между субъективной природой полемики и объективной природой общих интересов и социалистической солидарности, выраженной в единстве действий, обеспечило теоретическую основу, на которой подлинная полемика между Тито и Сталиным могла быть трансформирована, когда того требовали интересы долгосрочной политики, в надуманную полемику между коммунистическими лидерами без угрозы для фундаментального идеологического и практического единства коммунистического мира.

Актуальное изложение точки зрения Карделя было сделано Юрием Красиным: «Полное единодушие вряд ли может быть условием совместных действий. . . . Необходимо не статичное, монолитное единство, а динамичная система взглядов и позиций, характеризующаяся раз-

³⁸ Эдвард Кардель, *Социализм и война: Обзор китайской критики в отношении политики сосуществования* (Methuen, 1961), стр. 11.

³⁹ Там же, стр. 238.

⁴⁰ Там же, стр. 229.

⁴¹ Там же, стр. 9.

⁴² Цитируется по *Yugoslav Facts and Views* (New York: Yugoslav Information Center), no. 50 (5 мая 1958 года).

личиями по отдельным вопросам, но развивающаяся на основе фундаментальных принципов марксизма-ленинизма».⁴³

Из таких заявлений и их последствий можно вывести пять соответствующих принципов. Первый – не считать, что там, где есть полемика между коммунистами, обязательно есть и разногласия. Второй – оценить, есть ли прочные и последовательные основания для существования разногласий. Третье – искать доказательства единства действий за разобщенностью слов, искать тайные скоординированные совместные действия явных врагов или соперников. Четвертый – искать корреляцию по времени между вспышками полемики и крупными инициативами коммунистов, переговорами с западными державами (например, ОСВ) или встречами с западными лидерами. Пятое – предположить, что полемика является частью операции по дезинформации, и изучить ее на предмет того, может ли она, рассматриваемая в этом свете, способствовать достижению коммунистических целей. Приведем несколько очевидных примеров: обвинения Хрущева в китайском подстрекательстве к войне и ответные обвинения Китая в советском ревизионизме и пацифизме в 1960-х годах должны быть изучены на предмет того, помогли ли они создать на Западе образ Хрущева как умеренного человека, с которым можно вести переговоры о конкретных сделках. Продолжающееся исключение Югославии из коммунистического блока, несмотря на тайное участие Тито в формулировании и проведении новой долгосрочной политики, следует рассматривать в связи с укреплением авторитета Югославии как лидера движения неприсоединения в третьем мире. Советские нападки на консервативных западных лидеров в последние несколько лет следует рассматривать в сочетании с китайскими усилиями по установлению более тесных отношений с этими же лидерами. Эскалацию китайско-советских военных действий в 1969-70 годах следует рассматривать как попытку облегчить как переговоры по ОСВ между СССР и США, так и сближение Китая с развитыми индустриальными странами. Короче говоря, изучение полемики, если ее читать как дезинформацию, может пролить свет не на существование расколов, а на долгосрочную политику и стратегические интересы, которые кажущиеся расколы призваны продвигать.

Новая методология и западные источники

Существование программы дезинформационных операций имеет последствия для каждого типа источников информации о коммунистическом мире. Если дезинформация будет и дальше игнорироваться, западные заблуждения и ошибочная политика в отношении коммунистического мира будут множиться. Учитывая коммунистическую концепцию тотальной дезинформации, любая западная переоценка ситуации, если она имеет смысл, должна охватывать информацию из всех источников, открытых и секретных, человеческих и технических. Следует отказаться от предположения, что если секретные и открытые источники в целом поддерживают друг друга, то надежность обоих подтверждается; следует осознать, что два потока информации, открытый и секретный, вполне могут иметь общую точку происхождения в Центральном комитете и отделах дезинформации партий и спецслужб блока. Если информация из западных секретных источников совпадает с информацией из открытых источников, включая официальные коммунистические источники, это само по себе ставит под сомнение надежность западных секретных источников. Те западные секретные источники, чья информация с 1958-60 годов соответствует модели слабости и эволюции, нуждаются в особенно тщательном изучении, чтобы выяснить, не стали ли они известны коммунистической стороне в результате компромисса или другими способами.

---

⁴³ Юрий Красин, «Революционный процесс: национальное и интернациональное», Новое время, № 7, 13 февраля 1981 года.

Если соответствие нормальной модели информации, поступающей из коммунистического мира, является показателем ненадежности источников, то обратный принцип заключается в том, что свидетельствам, противоречащим этой модели, следует придавать больший вес, даже если они исходят только из одного источника. Например, личные наблюдения западного посетителя китайской коммуны в 1961 году, который сообщил, что в материальном отношении жители коммуны живут не хуже, чем раньше, и что китайский народ неизбежно все теснее отождествляет себя с коммунистическим режимом, не должны были быть отброшены на том основании, что эти наблюдения противоречили общепринятому мнению того времени, что ситуация в коммунах была катастрофической.⁴⁴

Полная дезинформация, чтобы быть эффективной, требует обнародования коммунистической стороной объема точной информации о себе, включая подлинные секреты, чтобы придать достоверность и вес дезинформации, которую она стремится передать. В сталинский период обнародование секретной информации коммунистической стороной было невозможно. С принятием долгосрочной политики и программы дезинформации положение изменилось. Была вновь введена ленинская концепция первичных и вторичных видов жертв. Первичным коммунистическим секретом является существование и характер долгосрочной политики и стратегии блока, а также роль дезинформации. Военные, научно-технические, экономические и контрразведывательные секреты являются вторичными; они образуют резервуар, из которого можно черпать и выдавать информацию в стратегических целях, особенно если есть основания полагать, что она уже могла быть скомпрометирована подлинными утечками или техническими средствами. Например, личности секретных агентов, которые по той или иной причине заканчивают свою полезность для коммунистической стороны, могут быть переданы через источник, к которому коммунистическая сторона стремится установить доверие Запада. Поэтому добросовестность западных секретных источников или перебежчиков с коммунистической стороны не подтверждается автоматически тем фактом, что они производят большое количество информации по военным, экономическим, научно-техническим или контрразведывательным вопросам или что они выступают со зрелищными разоблачениями коммунизма. Более важным критерием является то, что они могут сказать о долгосрочной политике коммунистов и использовании дезинформации. Число коммунистических лидеров, чиновников и интеллектуалов, которые имеют полное представление об объеме и масштабах программы дезинформации, очень ограничено, но число тех, кто участвует в том или ином ее аспекте, очень велико. Большинство секретных источников или перебежчиков, если они действительно передали свою приверженность Западу, должны иметь возможность сказать что-то ценное о современных методах коммунистов в этой области, даже если они сами не осознают всей значимости своих знаний.

При оценке научно-технической информации, поступающей на Запад, следует учитывать тот факт, что Шелепин в своем докладе в мае 1959 года и в статьях для сотрудников КГБ в «Чекисте» призывал к подготовке дезинформационных операций, призванных запутать и дезориентировать западные научные, технологические и военные программы, добиться изменения западных приоритетов и вовлечь Запад в дорогостоящие, расточительные и неэффективные направления исследований и разработок. Поэтому следует ожидать, что имеющаяся на Западе информация о советских космических проектах, системах вооружений, военной статистике и достижениях в области науки и техники будет содержать элемент дезинформации.

Учитывая, что действует программа тотальной дезинформации и что коммунистическая сторона хорошо осведомлена о заинтересованности Запада в перехвате ее сообщений, доказательства, полученные из коммунистических сообщений на обычном языке или слабых кодах и шифров, являются особенно подозрительными; более того, к ним следует относиться так

⁴⁴ Denis Warner, *Hurricane from China* (New York: Macmillan, 1961), p. 123.

же, как к свидетельствам из официальных коммунистических источников. Согласно западной прессе, по крайней мере, некоторые свидетельства о потерях в китайско-вьетнамской «войне» 1979 года попали в эту категорию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.